Научный журнал
Epomen. Global

Scientific Journal

электронное периодическое политематическое научное издание

№ 26, июнь 2022
No. 26, June 2022

Выпуск по итогам Межрегиональной научно-практической конференции «Юридическая наука в сфере противодействия коррупции» и Второго Кубанского общественно-профессионального семинара-совещания «Противодействие экстремизму в молодежной среде»

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2022

27 мая 2022 года, в преддверии празднования Дня юриста Краснодарского края прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «Юридическая наука в механизме противодействия коррупции», которая проводится с 2008 года и была учреждена еще в преддверии принятия Федерального закона «О противодействии коррупции». Мероприятие состоялось по адресу: г. Краснодар, ул. Ленина 28 (конференц-зал Управления Росреестра по Краснодарскому краю). Конференция организована Краснодарским региональным отделением Ассоциации юристов России (далее – КРО Ассоциации) совместно с Законодательным Собранием Краснодарского края, Администрацией Краснодарского края, Управлением Минюста РФ по Краснодарскому краю, Прокуратурой Краснодарского края, ГУ МВД России по Краснодарскому краю, Министерством образования, науки и молодежной политики Краснодарского края, КРОБФ «Научно-образовательные инициативы Кубани», Кубанским государственным аграрным университетом, Кубанским государственным университетом, Краснодарским университетом МВД России, Российским государственным университетом правосудия, ИГСУ РАНХиГС.

31 мая 2022 года в здании Управления Росреестра по Краснодарскому краю прошел Кубанский общественно-профессиональный семинар-совещание на тему: «Противодействие экстремизму в молодежной среде». Данное мероприятие приурочено к празднованию Дня защиты детей и организовано Краснодарским региональным отделением Ассоциации юристов России совместно с Уполномоченным по правам ребенка в Краснодарском крае. В ходе семинара-совещания участниками были рассмотрены такие вопросы, как развитие коммуникативных способностей подростков как профилактика асоциального поведения; мероприятия по противодействию экстремизма в молодежной среде, проводимые Управлением по делам молодежи администрации муниципального образования город Краснодар; практический опыт работы кибер-отряда в Республике Адыгея и внедрение практики работы такого отряда на территории Краснодарского края; экстремизм в сфере цифровой среды и другие не менее значимые аспекты рассматриваемой проблемы. Мероприятия состоялись при информационной и организационной поддержке общества с ограниченной ответственностью "Эпомен"

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тебекин Алексей Васильевич, д-р. экон. наук, д-р техн.наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), д-р. юрид. наук, доцент
Хмелёв Александр Геннадьевич (Беларусь), д-р экон. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professo
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

[1]Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khlus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Doctor of Law, assistant professor
Khmelev Alexander Gennadievich (Belarus), Doctor of Economics, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Агаджанян А. Л., Погосов В. Н.
Противодействие легализации коррупционных доходов через офшоры (стр. 11–24)

Бондаренко Я. Д.
Современные проблемы осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов (стр. 25–34)

Бояринцева С. А., Никитин М. М.
Совершенствование современного механизма противодействия коррупции в России (стр. 35–43)

Кочан И. С.
Проблемы современного правового регулирования разграничения получения взятки и принятия подарка (стр. 44–53)

Лапсарь М. В.
Идеологическая составляющая противодействия субкультуре «Колумбайн» в подростковой и молодежной среде (стр. 54–63)

Лихачев А. А.
Актуальные проблемы противодействия экстремизму в молодежной среде в Российской Федерации в условиях глобального политического кризиса (стр. 64–70)

Ломакина В. С.
Уголовно-правовые средства воздействия на коррупционные преступления (стр. 71–77)

Маркарян С. А.
Экстремизм в сфере цифровой среды (стр. 78–85)

Соколова Д. О.
Полномочия органов прокуратуры Российской Федерации в сфере борьбы с экстремизмом (стр. 86–95)

Тельян М. А., Камкия Ф. Г.
Противодействие коррупции в России: история и современность (стр. 96–110)

Федонькин Ю. Н.
Общественный контроль как инструмент противодействия коррупции (стр. 111–119)

Хамитова Е. Г.
Интерпретационная практика Верховного Суда Российской Федерации как фактор, влияющий на эффективность уголовно-правового противодействия коррупции (стр. 120–130)

Table of Contents

Agadzhanyan A. L., Pogosov V. N.
Countering the legalization of corrupt income through offshore companies (pp. 11–24)

Bondarenko Y. D.
Modern problems of realization of anticorruption examination of normative legal certificates and their projects (pp. 25–34)

Boyarintceva S. A., Nikitin M. M.
Improving the modern anti-corruption mechanism in Russia (pp. 35–43)

Kochan I. S.
Problems of modern legal regulation of the distinction between receiving a bribe and accepting a gift (pp. 44–53)

Lapsar M. V.
The ideological component of counteraction to the Columbine subculture in the teenage and youth environment (pp. 54–63)

Likhachev A. A.
Current problems of countering extremism among youth in the Russian Federation in conditions of the global political crisis (pp. 64–70)

Lomakina V. S.
Criminal legal means of influencing corruption crimes (pp. 71–77)

Markaryan S. A.
Extremism in the digital environment (pp. 78–85)

Sokolova D. O.
Powers of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of combating extremism (pp. 86–95)

Telyan M. A., Kamkiya F. G.
Countering corruption in Russia: history and modernity (pp. 96–110)

Fedonkin Y. N.
Public control as a tool to combat corruption (pp. 111–119)

Khamitova Y. G.
Interpretative practice of the Supreme Court of the Russian Federation as a factor influencing the effectiveness of criminal law anti-corruption (pp. 120–130)

УДК/UDC 338.2

Противодействие легализации коррупционных доходов через офшоры

Агаджанян Александра Львовна
студентка по направлению подготовки «Юриспруденция»
Государственный морской университет им. адмирала Ф. Ф. Ушакова
г. Новороссийск, Россия
e-mail: sandra_22_777@mail.ru

Погосов Виктор Николаевич
студент по направлению подготовки «Юриспруденция»
Государственный морской университет им. адмирала Ф. Ф. Ушакова
г. Новороссийск, Россия
e-mail: vp25102000@mail.ru

Аннотация

В работе анализируется российское законодательство и практика его применения на предмет эффективности противодействия легализации коррупционных доходов через офшорные организаци. Даются определения понятий «коррупция» и «отмывание денег». Рассматривается типология отмывания должностными и иными лицами коррупционных доходов. Исследуются офшорные зоны как площадки для отмывания доходов, полученных преступным путем. Рассматриваются меры по противодействию коррупции (в частности, отмыванию доходов, полученных преступным путем) в Российской Федерации. Проводится оценка эффективности законодательства в условиях деофшоризации экономики, отражены проблемы и критерии, препятствующие полному отказу от офшоров. По мнению авторов, наиболее действенными способами противодействия легализации коррупционных доходов через офшоры могут стать: эффективное международное налоговое сотрудничество стран, информационный обмен, а также ужесточение контроля над активами должностных лиц и обязательное раскрытие информации о собственниках офшорных организаций.

Ключевые слова: коррупция, отмывание денег, легализация коррупционных доходов, офшорные зоны, деофшоризация, противодействие коррупции.

Countering the legalization of corrupt income through offshore companies

Agadzhanyan Aleksandra Lvovna
student of the program "Jurisprudence"
Admiral Ushakov Maritime State University
Novorossiysk, Russia
e-mail: vp25102000@mail.ru

Pogosov Viktor Nikolayevich
student of the program "Jurisprudence"
Admiral Ushakov Maritime State University
Novorossiysk, Russia
e-mail: vp25102000@mail.ru

Abstract

The paper analyzes Russian legislation and the practice of its application for the effectiveness of combating the legalization of corruption proceeds through offshore organizations. Definitions of the concepts of "corruption"and "money laundering"are given. The typology of money laundering by officials and other persons is considered. Offshore zones are being studied as platforms for laundering proceeds from crime. Measures to combat corruption (in particular, laundering of proceeds from crime) in the Russian Federation are considered. The effectiveness of the legislation in the conditions of deoffshorization of the economy is assessed, the problems and criteria that prevent the complete abandonment of offshore companies are reflected. According to the authors, the most effective ways to counteract the legalization of corruption proceeds through offshore companies can be: effective international tax cooperation between countries, information exchange, as well as tightening control over the assets of officials and mandatory disclosure of information about the owners of offshore organizations.

Key words: corruption, money laundering, legalization of corruption proceeds, offshore zones, deoffshorization, anti-corruption activities.

Основной причиной хищения государственных средств является коррупция, которая свойственна большинству противоправных деяний экономической направленности. Такие хищения совершаются, как прави-

ло, под видом или в процессе законных хозяйственных операций. В свою очередь, совершить такие операции или дать распоряжение на их совершение могут только лица, наделенные определенными должностными полномочиями. Коррупция подрывает любую власть и ее предназначение в обществе, создает препятствия для нормального функционирования государственной администрации [1]. Коррупция — главная преграда для развития российского общества и обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан. В России действует Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], в котором дается определение понятия коррупции через перечисление ее проявлений, к числу которых относится: 1) злоупотребление служебным положением; 2) дача взятки; 3) получение взятки; 4) злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства, осуществляемые в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды. Коррупционные проявления характерны как для государственных, так и для коммерческих структур и иных организаций и предполагают уголовную ответственность за их совершение.

Понятие «отмывание денег» (англ. money laundering) было введено в оборот в 1980-х гг. в США и изначально использовалось преимущественно по отношению к доходам от наркобизнеса. В современном российском законодательстве термин «легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем», определен в ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3] как «придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученным в результате совершения преступления». По своему назначению легализация доходов сводится к умышленному искажению данных

об источнике полученных денежных средств и имущества для сокрытия факта их незаконного приобретения и создания возможности свободно ими владеть, пользоваться и распоряжаться [4].

Посредством процедур отмывания доходов преступники стремятся скрыть нелегальные следы происхождения капитала, физических лиц — бенефициаров незаконных доходов и инициаторов самого процесса легализации. Легализуя преступные доходы, преступники создают видимость законности получения этих доходов, стараются обеспечить себе удобный и оперативный доступ к капиталу для возможности комфортного и безопасного потребления, создания благоприятных условий для инвестирования в легальный бизнес.

В попытках обойти закон и избежать правосудия в ход идут весьма разнообразные способы и методы легализации незаконных денежных средств, которые непрерывно видоизменяются в связи с развитием технологий и совершенствуются с учетом новых финансовых инструментов и правовых механизмов. Тем не менее можно проследить определенные шаблоны в организации схем по оказанию теневых финансовых услуг. Во многих случаях выбор того или иного способа легализации (отмывания) не сильно зависит от реализованного способа получения преступного дохода, одним из которых зачастую являются различные коррупционные схемы чиновников. Отсюда и стремление государства всячески контролировать их доходы и расходы.

Обязанность для отдельных категорий должностных лиц декларировать доходы (расходы), имущество и обязательства имущественного характера свои и своих близких родственников, установлена соответствующими нормами российского законодательства [5]. Декларирование осуществляется в форме заполнения и передачи в уполномоченный орган справки установленной формы. Важную роль в этом отношении играет Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) поль-

зоваться иностранными финансовыми инструментами» [6]. В нем указан перечень должностных лиц, которым адресованы запреты, перечисленные в самом названии Федерального закона.

В целях уклонения от вышеописанной системы государственного контроля доходов и крупных расходов должностные лица при совершении преступлений коррупционного характера для последующего отмывания (легализации) коррупционных доходов наиболее часто используют своих ближайших родственников, доходы которых не подпадают под декларирование (родители, совершеннолетние дети, братья и сестры, другие родственники). В отдельных случаях вместо родственников могут использоваться иные доверенные лица, которые выступают в роли номинальных владельцев вверенных им активов.

Коррупционеры при планировании и реализации преступления коррупционного характера организуют поступление коррупционных доходов (в виде наличных или безналичных денежных средств) перечисленным лицам или в адрес подконтрольных им организаций. Далее полученные денежные средства используются родственниками для покупки дорогостоящих транспортных средств, земельных участков, квартир, домов, иных объектов движимого и недвижимого имущества или бизнеса. При этом должностное лицо — коррупционер обеспечивает себе возможность пользования приобретенными активами.

Для того чтобы понять, какие методы используются для отмывания денежных средств, необходимо знать источники происхождения преступных доходов, специфику и особенности совершаемых предикатных преступлений. Как показал анализ, наиболее распространенными видами хищения государственных средств являются:

1. Хищение государственных средств при осуществлении госзакупок на различных уровнях. Так, по оценкам ряда экспертов, в России закупочные цены на товары и услуги для государственных и муниципальных структур в среднем на 20% выше среднерыночных. Общий ущерб от общего объема госзакупок на фе-

деральном, региональном и муниципальном уровне составляет более 300 млрд рублей в год.

2. Хищение государственных средств при проведении ремонтно-строительных работ по государственным контрактам. Риски, связанные с коррупцией и хищением в сфере государственных контрактов, могут существовать даже до начала процесса проведения тендеров, т. е. во время распределения государственных средств, и сохраняться на протяжении всего последующего процесса — от определения победителя по тендеру до исполнения контракта.

Еще один вариант легализации (отмывания) коррупционных доходов связан с предварительным их выводом за рубеж (в виде безналичных денежных средств) через некую схему теневых услуг на счета офшорной организации, которая принадлежит должностному лицу — коррупционеру. Далее поступившие денежные средства могут использоваться для приобретения различных активов, в т. ч. зарубежной недвижимости. При этом, конечно, зарубежные активы не декларируются. Это обстоятельство позволяет обнаруживать противоречия между ними и задекларированными доходами и активами [7].

Говоря о законе, стоит упомянуть, что четкого определения понятия «офшоры» нет в российском законодательстве. Регулирование данного вопроса происходит в ряде не связанных между собой нормативных актов, что является огромным законотворческим недостатком. Однако Центральный банк Российской Федерации, Департамент капиталов Министерства финансов Российской Федерации и Федеральная налоговая служба Российской Федерации занимаются составлением так называемых черных списков.

Под офшорами для целей данной работы будем понимать государства или территории, привлекающие иностранный капитал льготным налогообложением, а также выгодами надзорного, организационного и административного характера, среди которых важное место занимает

конфиденциальность деятельности бенефициаров (настоящих владельцев компаний и счетов).

Почему должностные лица выбирают офшоры? Это не только низкие налоги. Привлекательны они своей анонимностью, упрощенной регистрацией в качестве юридического лица, фактической бесконтрольностью или лояльностью со стороны государственных финансовых органов. Кроме того, в «своих» кругах должностные лица часто выделяют свои группы доверительных стран, делят их по признаку анонимности, налогообложения, чистоты, надежности и пр. Как пишет Дж. Робинсон, «большинство офшорных центров имеют две общие черты: стремительный рост населения и ограниченные природные ресурсы. Сборы с банков и компаний растут быстро и становятся важным источником дохода. Отрасль, которая его приносит, не загрязняет окружающую среду и не требует значительных трудовых ресурсов. До тех пор, пока банкам и компаниям запрещено вести бизнес в стране регистрации, население последней защищено от мошенничества и обмана со стороны подставных банков и международных деловых корпораций» [8].

Многие государства вводят определенные ограничения на операции с офшорами, однако прямого запрета так и нет. Причины сопротивления деофшоризации экономики заключаются в следующем:

1. В офшорах заинтересованы правительства многих стран, прежде всего развивающихся, в которых нет достаточных ресурсов для развития производства и для занятости населения.
2. В офшорных зонах заинтересованы преступные сообщества, которые используют офшорные банки для отмывания преступных денег, террористические организации, а еще организации, которые уходят от налогообложения.
3. В офшорных юрисдикциях заинтересованы те политики, которые имеют незаконные доходы, коррупционеры — все они под разными внешне благовидными предлогами лоббируют в парламентах сохранение офшоров.

Владение организациями в офшорных юрисдикциях само по себе не является преступлением, но такие структуры зачастую используются в нелегальных операциях. В 2014 г. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации принял Постановление № 101-СФ «О вопросах противодействия на современном этапе легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и деофшоризации российской экономики» [9]. Его нормы устанавливают обязанность организаций, действующих на территории России, получать, хранить и предоставлять уполномоченным государственным органам информацию о своих бенефициарных владельцах и о структуре собственности. Закрепляется норма, которая предусматривает отказ в государственной поддержке организациям, если ее бенефициарными и промежуточными владельцами являются офшорные организации. Постановление запрещает участие государственных корпораций и акционерных обществ с государственным участием в офшорных схемах. В связи с указанными требованиями законодатель внес изменения целый ряд кодексов и законов России, прежде всего в налоговое и валютное законодательство.

В настоящий момент складывается положение внутреннего законодательства отдельных стран в отношении офшорных организаций, когда при отсутствии формальных ограничений офшоры тем не менее фактически ущемляются по сравнению с неофшорными организациями. Среди формальных ограничений можно выделить:

1) общие запреты в отношении любых иностранных организаций: так, в Российской Федерации права иностранных организаций, в т. ч. офшоров, ограничены в ряде сфер (например, в сфере приобретения земельных участков, участия в предприятиях ряда стратегических отраслей и др.);
2) специальные запреты и ограничения в отношении оффшорных организаций: они в Российской Федерации установлены рядом федеральных законов (например, Федеральным законом от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности»

[10] установлен особый порядок банковских операций с банками офшорных зон; Федеральным законом от 30 апреля 2008 г. № 56-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» [11] и Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» [12] установлено, что управляющий активами не может быть зарегистрирован в офшорной зоне, и пр.).

Одни государства (например, Республика Казахстан, Республика Узбекистан) ввели прямой запрет для местных предприятий на заключение контрактов с офшорными организациями в соответствии с утвержденными списками офшорных юрисдикций, другие (например, Украина и Республика Беларусь) установили налог, который удерживается местной организацией у источника при любой выплате в пользу офшорной организации.

Что касается фактических ограничений, то можно выделить таможенные и банковские. Практика показывает, что в результате борьбы с «серым» импортом, в ряде случаев таможенные органы фактически отказываются оформлять товар, ввезенный на территорию Российской Федерации от офшорного поставщика, либо оформление такого товара затягивается на длительное время.

Важное направление деятельности государственных органов по повышению эффективности борьбы с коррупцией отражено в ст. 7 Федерального закона «О противодействии коррупции» — это укрепление международного сотрудничества и развитие эффективных форм взаимодействия с правоохранительными органами и со специальными службами, с подразделениями финансовой разведки и другими компетентными органами иностранных государств и международными организациями в области противодействия коррупции и розыска, конфискации и репатриации имущества, полученного коррупционным путем и находящегося за рубежом. Тем самым для Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации созданы юридические осно-

вания для осуществления ею функции внешней финансовой разведки посредством получения соответствующей информации с помощью взаимодействия со специальными службами, с подразделениями финансовой разведки и другими компетентными органами иностранных государств.

При этом основным фактором, оказывающим влияние на эффективность системы противодействия коррупции, выступает политическая воля как отдельных государств, так и межгосударственных объединений, в связи с чем далеко не все государства в равной степени стремятся к максимально полному избавлению от коррупционных практик, что обусловливает ряд обстоятельств, накладывающих особенности на реализацию международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции в органах государственной власти. К таким обстоятельствам могут быть отнесены следующие:

1. Политизированность международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции в органах государственной власти, которая может выражаться как в политически мотивированном обвинении отдельных государств в коррумпированности со стороны других стран или международных объединений, так и в оправдании подверженных коррупции политических режимов со стороны их политических союзников.
2. Незаинтересованность либо исключительно формальная деятельность государств, в которых распространены коррупционные практики, в реальном противодействии коррупции в органах государственной власти, что объясняется системообразующей ролью коррупции в таких правопорядках.
3. Наличие офшорных юрисдикций, которые не раскрывают информацию о финансовом состоянии их налоговых резидентов, что во многом способствует сокрытию государственными чиновниками доходов. Такие хозяйствующие субъекты, как правило, не заинтересованы в противодействии коррупции, поскольку хранение доходов, полученных нелегальным или по-

лулегальным путем, является главным источником формирования их бюджетов.

4. Отсутствие эффективного механизма контроля над выполнением государствами обязательств, принятых на себя в рамках международного сотрудничества по противодействию коррупции. В настоящее время отсутствует система мониторинга, которая позволяла бы объективно оценить динамику изменения уровня коррупции в отдельных странах.
5. Сложность имплементации положений международных правовых актов, посвященных противодействию коррупции, в национальное законодательство отдельных государств. В частности, те или иные нормы, предусмотренные международным законодательством, могут вступать в коллизии с государственным законодательством, итогом которых становится либо изменение национального права, либо отказ от подписания международных соглашений полностью или в части.

Таким образом, наиболее действенными способами противодействия легализации коррупционных доходов через офшоры могли бы стать: эффективное международное налоговое сотрудничество стран, информационный обмен, ужесточение контроля над активами должностных лиц и обязательное раскрытие информации о собственниках офшорных организаций.

Список литературы:

1. Denton S., Morris R. The Money and the Power - The Making of Las Vegas and its Hold on America; Vintage Books. New York, 2002. URL: https://www.tribes.org/web/2006/10/02/the-money-and-the-power-the-making-of-las-vegas-and-its-hold-on-america-1947-2000 (дата обращения: 01.05.2022).

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_82959/ (дата обращения: 01.05.2022).

3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001

№ 115-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 01.05.2022).

4. Киселев И. А. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, и проблемы ее реализации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2004.

5. Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей: Указ Президента Российской Федерации от 18.05.2009 № 557 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/195552/ (дата обращения: 01.05.2022).

6. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145998/ (дата обращения: 01.05.2022).

7. Финансовый мониторинг: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. Г. Братко, И. Е. Волуевич, В. И. Глотов и др.; под ред. Ю. А. Чиханчина, А. Г. Братко. М.: Юстицинформ, 2018. Т. 2. 480 с.

8. Jeffrey Robinson, The Sink: Terror, Crime and Dirty Money in the Offshore World// Constable, 2003 // URL: https://books.google.ru/books/about/The_Sink.html?id=Tk4EAQAAIAAJredir_esc=y / (дата обращения: 01.05.2022).

9. О вопросах противодействия на современном этапе легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и деофшоризации российской экономики: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 26.03.2014 № 101-СФ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102164547&backlink=1&nd=102348565&rdk= (дата обращения: 01.05.2022).

10. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-I // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 01.05.2022).

11. Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.2008 № 56-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37863/ (дата обращения: 01.05.2022).

12. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих: Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102088394 (дата обращения: 01.05.2022).

References:

1. Denton S., Morris R. The Money and the Power - The Making of Las Vegas and its Hold on America; vintage books. New York, 2002. URL: https://www.tribes.org/web/2006/10/02/the-money-and-the-power-the-making-of-las-vegas-and-its-hold -on-america-1947-2000 (access date: May 01, 2022).

2. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (access date: May 01, 2022).

3. On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (access date: May 01, 2022).

4. Kiselev I. A. Criminal liability for the legalization (laundering) of funds or other property acquired illegally, and problems of its implementation: diss. . . . cand. legal sciences. M., 2004.

5. On approval of the list of positions of the federal civil service, in the course of filling which federal civil servants are obliged to provide information about their income, property and property obligations, as well as information about the income, property and property obligations of their spouse (spouse) and minor children : Decree of the President of the Russian Federation of May 18, 2009 No. 557 // Garant. URL: https://base.garant.ru/195552/ (access date: May 01, 2022).

6. On the prohibition of certain categories of persons to open and have accounts (deposits), keep cash and valuables in foreign banks located outside the territory of the Russian Federation, own and (or) use foreign financial instruments: Federal Law No. 79 dated 07.05.2013 79-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145998/ (access date: May 01, 2022).

7. Financial monitoring: textbook for undergraduate and graduate students / A. G. Bratko, I. E. Voluevich, V. I. Glotov and others; ed. Yu. A. Chikhanchina, A. G. Bratko. M.: Yustitsinform, 2018. T. 2. 480 p.

8. Jeffrey Robinson, The Sink: Terror, Crime and Dirty Money in the Offshore World// Constable, 2003 // URL: https://books.google.ru/books/about/The_-Sink.html?id=Tk4EAQAAIAAJ&redir_esc=y / (access date: May 01, 2022).

9. On the issues of counteraction at the present stage of legalization (laundering) of proceeds from crime, financing of terrorism and deoffshorization of the Russian economy: Decree of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation dated March 26, 2014 No. 101-SF // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102164547&backlink= 1&nd= 102348565&rdk= (access date: May 01, 2022).

10. On banks and banking activities: Federal Law of 02.12.1990 No. 395-I // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (access date: May 01, 2022).

11. On investing funds to finance the funded part of the labor pension in the Russian Federation: Federal Law of April 30, 2008 No. 56-FZ // Consultant Plus ATP. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37863/ (access date: May 01, 2022).

12. On the accumulative mortgage system of housing for military personnel: Federal Law No. 117-FZ of August 20, 2004 // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102088394 (access date: May 01, 2022).

УДК/UDC 343.3

Современные проблемы осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов

Бондаренко Яна Дмитриевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: yana_bondarenko_1998@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению некоторых актуальных проблем закона и практики его применения при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Подробно исследуются положения Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Указывается, что экспертиза проводится с целью выявления и устранения коррупциогенных факторов, под которыми понимаются положения нормативных правовых актов (и их проектов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, которые содержат неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции. В работе анализируются практика, методика и основания проведения антикоррупционной экспертизы, на основе практики применения законодательства дается оценка необходимости участия институтов гражданского общества и граждан в проведении антикоррупционной экспертизы.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, субъекты антикоррупционной экспертизы, методика антикоррупционной экспертизы.

Modern problems of realization of anticorruption examination of normative legal certificates and their projects

Bondarenko Yana Dmitriyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: yana_bondarenko_1998@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of some topical problems of the law and the practice of its application in the course of anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts. The provisions of the Federal Law of July 17, 2009 No. 172-FZ "On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts" are studied in detail. It is indicated that the examination is carried out in order to identify and eliminate corruption factors, which are understood as the provisions of regulatory legal acts (and their drafts) that establish unreasonably wide margins of discretion for the law enforcer or the possibility of unreasonable application of exceptions to the general rules, as well as provisions that contain vague, difficult and (or) burdensome requirements for citizens and organizations and thereby creating conditions for the manifestation of corruption. The paper analyzes the practice, methodology and grounds for conducting anti-corruption expertise, on the basis of the practice of applying legislation, an assessment is made of the need for the participation of civil society institutions and citizens in conducting anti-corruption expertise.

Key words: anti-corruption expertise, corruption-related factors, subjects of anti-corruption expertise, methods of anti-corruption expertise.

Качество современного отечественного законодательства напрямую связано с созданием эффективной системы защиты нормативных правовых актов от коррупционных положений и коррупциогенных норм. Недопущение принятия таких норм является одной из приоритетных задач органов государственной власти и местного самоуправления, выступает важным элементом правовой и политической стратегии российско-

го государства. В связи с этим, наряду с прочими методами борьбы с коррупцией в России, важное значение отведено институту антикоррупционной экспертизы.

Правовую основу проведения антикоррупционной экспертизы составляет Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [1] (далее по тексту — Закон № 172), который вступил в силу 2 августа 2009 г.

Экспертиза проводится с целью выявления и устранения коррупциогенных факторов. Под ними понимаются положения нормативных правовых актов (и их проектов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, которые содержат неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции.

Правила и методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2].

По нашему мнению, с принятием новой методики произошло неоправданное уменьшение перечня коррупциогенных факторов. Так, из 17 признаков, которые в методике 2009 г. считались коррупциогенными, осталось только 11. Были исключены из списка такие факторы, как:

1) отсутствие превентивных запретов и ограничений для органов власти;
2) отсутствие норм ответственности власти;
3) нарушение режима прозрачности информации и пр.

Субъекты, имеющие право осуществлять антикоррупционную экспертизу, обозначаются в Законе № 172-ФЗ, в соответствии с которым экспертиза проводится прокурорами в ходе осуществления своих пол-

номочий, Министерство юстиции Российской Федерации выполняет ее при проведении правовой экспертизы и мониторинга применения нормативных правовых актов. Кроме того, к таким субъектам относятся институты гражданского общества и граждане.

Основаниями для проведения антикоррупционной экспертизы являются поступление обращений в прокуратуру, поступление проекта нормативного правового акта на регистрацию, подготовка локальных актов в организациях. Экспертизу нормативных правовых актов тех органов и организаций, которые были упразднены или реорганизованы, проводят их правопреемники, которым были переданы соответствующие полномочия. Институты гражданского общества и граждане проводят экспертизу в порядке и сроки, которые определяют самостоятельно по своему усмотрению. В случае если в процессе проведения экспертизы возникшие разногласия не были разрешены, они могут быть переданы на рассмотрение суда.

Разделяем точку зрения А. В. Кирилина, который отмечает, что «важной новеллой законодательства об антикоррупционной экспертизе стало требование в целях обеспечения возможности проведения независимой антикоррупционной экспертизы о размещении проектов нормативных правовых актов в сети Интернет с обязательным указанием дат начала и окончания приема заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы» [3].

При изучении практики проведения антикоррупционной экспертизы в различных регионах Российской Федерации мы пришли к выводу о том, что даже с существующим перечнем коррупциогенных факторов возникают проблемы правового регулирования антикоррупционной экспертизы.

Одна из основных проблем, на наш взгляд, заключается в отсутствии качественного методического обеспечения антикоррупционной экспертизы. Существующая методика лишь называет коррупциогенные факторы, но не раскрывает их содержания. Она не направлена на выработку у экспертов, проводящих антикоррупционную экспертизу, навыков

распознавания в тексте нормативно-правового акта различных правовых дефектов. Мы считаем, что на практике эксперту необходимо, с одной стороны, «не проглядеть» коррупциогенный фактор, а с другой — «не переборщить» в поисках правовых дефектов в актах.

В связи с этим представляется, что количество коррупциогенных факторов в существующей методике нужно не сокращать, а наоборот, дополнять по мере выявления новых коррупционных схем. Также в методике 2010 г. необходимо предусмотреть правила, которые регулировали бы сам процесс проведения антикоррупционной экспертизы.

Еще одной категорией проведения указанной экспертизы являются институты гражданского общества и граждане (независимые эксперты). На наш взгляд, при равных полномочиях всех субъектов реальная возможность их реализации представлена не одинаково. Так, например, если Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет антикоррупционную экспертизу в ходе правовой экспертизы, то независимые эксперты имеют возможность осуществлять экспертизу только при наличии доступа к актам и их проектам.

Заключения субъектов проведения антикоррупционной экспертизы не влекут за собой никаких юридических последствий, а выводы носят лишь рекомендательный характер. В связи с этим представляется возможным внести в Закон № 172 положение о том, что заключения экспертов, вне зависимости от того, являются ли они экспертами при органах власти Российской Федерации или независимыми экспертами, должны учитываться соответствующими органами и устраняться в общем порядке.

Требования для претендентов, которые желают аккредитоваться в качестве независимых экспертов, устанавливаются Административным регламентом [4] Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов норма-

тивных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, который был утвержден Приказом Минюста России от 27 июля 2012 г. № 146.

В соответствии этим Приказом заявителями могут быть как физические лица — граждане Российской Федерации с высшим профессиональным образованием и стажем работы по специальности не менее 5 лет, так и юридические лица с наличием в штате не менее 3 работников, которые отвечают условиям аккредитации в качестве независимого эксперта — физического лица. Примечательным является то, что под высшим профессиональным образованием понимается любое высшее образование, которое может быть подтверждено соответствующим дипломом.

Полагаем, что антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов не могут проводить граждане, которые, хотя и имеют высшее образование, но недостаточно компетентны в этом вопросе. Для решения данной проблемы предлагаем внести поправки в Административный регламент и предоставить право проводить антикоррупционную экспертизу только лицам с высшим юридическим образованием и стажем работы по этой специальности не менее 3 лет. Представляется также возможным внести оговорку о том, что иные лица могут консультировать их в вопросах, требующих специальных знаний.

Исходя из изложенного, считаем, что антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов является эффективным инструментом повышения качества принимаемых актов, однако при ее осуществлении требуется профессиональный подход, что, к сожалению, не всегда обеспечивается субъектами антикоррупционной экспертизы.

Еще одним очевидным пробелом в законодательстве об антикоррупционной экспертизе является отсутствие легального определения данного понятия. Проанализировав научную литературу, а также практику проведения антикоррупционной экспертизы, представляется, что его можно определить как законную деятельность уполномоченных на

то граждан, юридических лиц, государственных органов, а также иных лиц, направленную на выявление и устранение в тексте нормативных правовых актов и их проектов коррупциогенных факторов [5].

Совершенствование антикоррупционного законодательства представляется также в оценке всех существующих подзаконных актов, касающихся производства антикоррупционной экспертизы:

1) остановления Правительства Российской Федерации;
2) подзаконные акты Генеральной Прокуратуры Российской Федерации;
3) подзаконные акты Министерства Юстиции Российской Федерации;
4) подзаконные акты иных субъектов, производящих антикоррупционную экспертизу собственных нормативных правовых актов и их проектов и т. д.

Предложение по совершенствованию заключается в систематизации данных актов и объединении их основных положений в Законе № 172 [6]. Некоторые исследователи полагают, что принятия отдельного Постановления Правительства по указанным вопросам достаточно, однако считаем это сомнительным предложением. Регулирование подзаконным актом органа исполнительной власти, правил составления нормативных правовых актов органами законодательной власти представляется недопустимым [7].

Считаем необходимым систематическое проведение обзоров правоприменительной практики в сфере антикоррупционного законодательства, которые могли бы содержать конкретные примеры коррупциогенных факторов в текстах нормативных правовых актов (проектов), а также пути их устранения; правовые позиции судов относительно данных вопросов, а также позиции субъектов экспертизы. Считаем, что указанные обзоры практики могут издаваться на основе Министерства юстиции Российской Федерации.

Одной из основных проблем при производстве антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов является фак-

тическое игнорирование заключений независимых экспертов. Как было ранее указано, экспертиза может проводиться двумя группами субъектов:

1) государством в лице компетентных органов (Прокуратуой Российской Федерации, Министерством юстиции Российской Федерации, а также в отдельных случаях — органами публичной власти Российской Федерации (на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации);
2) так называемыми независимыми экспертами (закон включает в эту группу граждан, общественные объединения и т. д.), которые проводят экспертизу за свой счет.

Если проведение антикоррупционной экспертизы первой группой субъектов конкретизирована, то с независимыми экспертами ситуация сложилась иная. Неконкретизированная процедура проведения экспертизы, отсутствие поддержки со стороны органов публичной власти, а также весьма сложная процедура аккредитации при Министерстве юстиции Российской Федерации создают весьма сложные условия для работы независимых экспертов.

Более того, заключения независимых экспертов по результатам проведенных экспертиз носят лишь рекомендательный характер для органов власти, которые, в свою очередь, имеют право оставить эти заключения без внимания [8].

Представляется, что для решения указанных проблем необходимо внести в законодательство изменения, касающихся ответственности органов власти при игнорировании заключений независимых экспертов.

Ст. 5 Закона № 127 содержит общие сроки проведения антикоррупционной экспертизы — 30 дней. Однако большинство нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации вступают в силу в течении 10 дней со дня их официального опубликования, что порождает другую проблему — неопределенность минимальных и максимальных сроков при производстве экспертизы для конкретного нормативного правового акта [9]. Т. е. пока экспертиза будет производиться в течении 30

дней, нормативный правовой акт уже может вступить в силу, а при обнаружении в тексте этого документа коррупциогенных факторов последует сложная административная процедура по изменению его текста и устранению допущенных нарушений. Данная проблема может быть решена путем установления ответственных лиц, принимающих решение об установлении срока, в течении которого заключение эксперта по конкретному нормативному правовому акту должно быть готово.

Таким образом, исходя из анализа нормативно-правовой базы проведения антикоррупционной экспертизы, практики ее применения, а также научной литературы, были выявлены существенные, на наш взгляд проблемы, а также предложены пути возможного их разрешения.

Список литературы:

1. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 22.07.2009. № 133.

2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 // Российская газета. 05.03.2010 № 46.

3. Кирилин А. В., Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, выполняемая территориальными органами минюста России: должное и сущее в юридической практике // СПС «Консультант Плюс».

4. Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации: Приказ Минюста РФ от 27.07.2012 № 146 // Российская газета. 29.08.2012. № 197.

5. Прокофьев С. Е. Государственная служба: учебное пособие для вузов / С. Е. Прокофьев, Е. Д. Богатырев, С. Г. Еремин. М.: Издательство Юрайт, 2021. 200 с.

6. Соколов А. В. Противодействие коррупции в сфере публичной собственности: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 192 с.

7. Румянцева, Е. Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. 267 с.

8. Гладких В. И., Старовойтов В. Г. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок: старые и новые подходы // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 47–50.

9. Шувалова Н. Н. Этика и этикет государственной и муниципальной службы: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 334 с.

References:

1. On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: Federal Law of July 17, 2009 No. 172-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 22.07.2009. No. 133.

2. On the anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: Decree of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 No. 96 // Rossiyskaya Gazeta. 05.03.2010. No. 46.

3. Kirilin A. V., Anti-corruption expertise of regulatory legal acts, carried out by the territorial bodies of the Ministry of Justice of Russia: due and existing in legal practice // Consultant Plus.

4. On the approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the provision of a public service for the implementation of accreditation of legal entities and individuals who have expressed a desire to obtain accreditation to conduct, as independent experts, anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts in cases provided for by the legislation of the Russian Federation: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of July 27, 2012 No. 146 // Rossiyskaya Gazeta. 29.08.2012. No. 197.

5. Prokofiev S. E. Public service: textbook for universities / S. E. Prokofiev, E. D. Bogatyrev, S. G. Eremin. M.: Yurait Publishing House, 2021. 200 p.

6. Sokolov A. V. Combating corruption in the sphere of public property: a textbook for universities. M.: Yurait Publishing House, 2021. 192 p.

7. Rumyantseva, E. E. Anti-corruption: textbook and workshop for universities. M.: Yurait Publishing House, 2020. 267 p.

8. Gladkikh V. I., Starovoitov V. G. Anti-Corruption in Public Procurement: Old and New Approaches // Russian Justice. 2016. No. 9. Pp. 47–50.

9. Shuvalova N. N. Ethics and etiquette of the state and municipal service: a textbook and workshop for universities. 2nd ed., revised. and additional M.: Yurait Publishing House, 2021. 334 p.

УДК/UDC 343.9.01

Совершенствование современного механизма противодействия коррупции в России

Бояринцева Софья Александровна
студентка факультета экономики и права
Сочинский государственный университет
г. Сочи, Россия
e-mail: boyar0802@inbox.ru

Никитин Михаил Максимович
студентка факультета экономики и права
Сочинский государственный университет
г. Сочи, Россия
e-mail: cool.misch2016@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются направления совершенствования современного механизма противодействия коррупции в Российской Федерации. Приводятся данные о месте Российской Федерации в рейтинге стран мира по индексу восприятия коррупции за 2021 г. Дается определение понятию коррупции. Подробно анализируются положения Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы. Отмечается, что коррупция не возникает сама по себе, а является одним из показателей существующих общественных проблем, в связи с чем следует противодействовать не следствиям данного явления, а его причинам. Авторами изучается российское законодательство по противодействию коррупции и обосновывается необходимость дальнейшего расширения и усовершенствования мер, направленных на борьбу с указанным негативным явлением, в рамках правового государства.

Ключевые слова: коррупция, нормативно-правовой акт, гражданское общество, социологическое исследование, правовое государство.

Improving the modern anti-corruption mechanism in Russia

Boyarintceva Sofya Aleksandrovna
student of the faculty of Economics and Law
Sochi State University
Sochi, Russia
e-mail: boyar0802@inbox.ru

Nikitin Mikhail Maksimovich
student of the faculty of Economics and Law
Sochi State University
Sochi, Russia
e-mail: cool.misch2016@yandex.ru

Abstract

The article examines the directions for improving the modern mechanism for combating corruption in the Russian Federation. Data are provided on the place of the Russian Federation in the ranking of countries in the world according to the corruption perception index for 2021. The concept of corruption is defined. The provisions of the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024 are analyzed in detail. It is noted that corruption does not arise by itself, but is one of the indicators of existing social problems, and therefore it is necessary to counteract not the consequences of this phenomenon, but its causes. The authors study the Russian anti-corruption legislation and substantiate the need for further expansion and improvement of measures aimed at combating this negative phenomenon within the rule of law.

Key words: corruption, regulatory legal act, civil society, sociological research, legal state.

Коррупцию можно назвать одной из главных преград для развития экономики Российской Федерации и причиной для оттока отечественного капитала за границу. Согласно исследованию, проводимому организацией Transparency International, в Индексе восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index) Российская Федерация занимает 29 место наряду с Мали, Либерией и Анголой по состоянию на 2021 г. [1].

Действующим нормативно-правовым актом в данной сфере является Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [2].

В соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] коррупция определяется как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Коррупция не возникает сама по себе, а является одним из показателей существующих общественных проблем. В связи с этим мы считаем, что требуется противодействовать не следствиям данного явления, а причинам.

Термин коррупция был известен еще римскому праву. С латыни *corruptio* переводится как «подкуп» или «порча» [3]. Это значение и лежит в основе современного понимая коррупции.

Главными причинами существования коррупции в Российской Федерации называют: недостаточную законодательную регламентацию, неэффективную модель управления государством, недостаточную развитость института гражданского общества, недостаточно сформированные в обществе общечеловеческие ценности, нормы морали и нравственности.

Отметим, что Национальный план противодействия коррупции предполагает 16 направлений деятельности:

1. Разработка антикоррупционных стандартов. Включает в себя меры по усовершенствованию различных запретов, ограничений, регламентацию обязанностей должностных лиц. Так, предполагается дальнейшее распространение обязанности лиц, на-

ходящихся на государственной службе, отчитываться о доходах и расходах. Планируется разработка разного рода рекомендаций в части реализации исполнения существующих запретов, например осуществления предпринимательской деятельности. Также уделяется внимание проработке механизма по минимизации риска при выделении целевых средств бюджета.

2. Уточнение понятий, используемых в Федеральном законе «О противодействии коррупции». Это касается неоднозначных понятий: «конфликт интересов», «личная заинтересованность», «иные близкие отношения» и пр.
3. Проведение антикоррупционных проверок. Направление предусматривает совершенствование процедуры проверок, выявления фактов нарушений, фактов коррупции, например закрепление возможности прокурора запрашивать информацию, составляющую банковскую тайну.
4. Усиление дисциплинарной ответственности. Необходимо уточнение использования понятия «утрата доверия», уточнение порядка привлечения к дисциплинарной ответственности глав муниципальных образований, временно исполняющих обязанности глав субъектов.
5. Совершенствование мер уголовной и административной ответственности. Сюда входит обобщение практики применения норм данных отраслей права, ее анализ, разработка средств обеспечения полноты ответственности за совершенные правонарушения в области борьбы с коррупцией.
6. Защита информации ограниченного доступа. Она предполагает уточнение процедуры предоставления сведений, включаемых в персональные данные, при проведении расследования и в других случаях.
7. Ограничение трудоустройства для уволенных лиц. К этому направлению относятся изучение применения ограничений на трудоустройство в качестве санкции после увольнения лиц, ко-

торые осуществляли функции административного управления, создание процедуры контроля реализации данной меры.

8. Меры по противодействию коррупции в организациях частного сектора. Они включают реализацию мероприятий для улучшения и увеличения координации представителей частного сектора и государства в вопросе борьбы с коррупцией, рассмотрение способов противодействия коррупции в частных организациях.
9. Меры по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации. К ним относится разработка единых стандартов по противодействию коррупции в регионах в вопросе взаимодействия антикоррупционных органов и комиссий субъектов, изучение уровня коррупции в субъекте путем проведения социальных исследований.
10. Меры по противодействию коррупции в закупочной деятельности. В рамках данного направления предусматривается создание мер для реализации прозрачности и открытости в сфере государственных тендеров, закупок, обобщение практики в сфере выявление и устранения нарушений в данной сфере.
11. Проведение антикоррупционной экспертизы.
12. Проведение мероприятий в сфере образования и просвещения. Предполагается проведение обучающих программ, конференций, семинаров по вопросам противодействия коррупции, реализация программ образования в направлении противодействия коррупции в области магистратуры и дополнительного профессионального образования с целью формирования негативного отношения к коррупции.
13. Привлечение к участию в антикоррупционных мероприятиях гражданского общества. Увеличение вовлеченности различных некоммерческих обществ, иных субъектов общественного контроля в реализации мероприятий антикоррупционной направленности в области обращений по выявленным фактам, в об-

ласти организации информирования населения для предупреждения коррупционной деятельности.

14. Развитие международного сотрудничества. Необходимо обеспечение выполнения Российской Федерацией условий ратифицированных международных договоров в данной области.
15. Систематизация антикоррупционного законодательства. Включает проведение непрерывной систематизации и актуализации нормативной базы, устранение правовых коллизий.
16. Совершенствование цифровых финансовых активов и развитие информационных технологий. Предполагается дальнейшее совершенствования законодательства в части регулирования цифровых технологий для предупреждения использования цифровых финансовых активов и информационных технологий в коррупционных целях.

Анализируемый документ «Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы» является основополагающим при построении политики государства, направленной на совершенствование механизма борьбы с коррупцией. В результате проведенного исследования нами были выявлены некоторые аспекты, которые, на наш взгляд, необходимо доработать. Следует подчеркнуть, что наличие закона не означает его автоматическую реализацию, все зависит от правосознания граждан, должностных лиц и всего общества в целом.

Отметим, что в российском обществе не так много инициативных социальных групп, общественных организаций, деятельность которых была бы направлена исключительно на предотвращение коррупции и борьбу с ней. Главной проблемой, по нашему мнению, является отсутствие эффективного механизма взаимодействия гражданского общества и государственных органов, направленного на противодействие коррупции. Также обратим внимание, что в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы институту эффективного и действенного механизма противодействия коррупции уделено недостаточно внимания.

Неразвитость институтов гражданского общества вызвана основной проблемой — правовым нигилизмом. Его следствием является низкий уровень правосознания населения и правовой культуры в целом. Безусловно, важно уделить внимание образованию населения в этой сфере, чтобы сформировать нравственную основу гражданского общества.

На базе Сочинского государственного университета в рамках данной работы нами было проведено социологического исследование. Участниками стали студенты 3–4 курсов факультета экономики и права в количестве 58 человек. Студентам было предложено ответить на ряд вопросов: как искоренить коррупцию в обществе, как усовершенствовать механизм противодействия коррупции и какие меры предпринять по его совершенствованию. 44% опрошенных указывали на необходимость введения изменений в вопросе правового просвещения населения.

43% считали важным обратиться к международному опыту в решении данного вопроса. Мнения разделилась: половина респондентов предложила обратиться к опыту ужесточения наказания за коррупционные преступления по опыту КНР вплоть до отмены моратория на смертную казнь за коррупционные преступления и конфискации всего имущества в пользу государства. Другая часть опрашиваемых выступали за обращение к опыту Республики Сингапур и Королевству Швеция: упростить и сделать прозрачными различные бюрократические процедуры, ввести обязательную сменяемость должностных лиц разного уровня, расширить возможность участия граждан и средств массовой информации в противодействии данному явлению.

Остальные 13% посчитали важным создание специально уполномоченного органа по борьбе с коррупцией с учетом опыта существовавшей в Российской Федерации Федеральной службы налоговой полиции. Студентами были предложены следующие меры: сотрудники данного органа наделялись бы высокой заработной платой, их деятельность была бы полностью подотчетна и подконтрольна лично Президенту Российской Федерации, в качестве стимулирования звучали предложения о вознаграждении в виде определенной денежной суммы в зависимости от ко-

личества выявленных правонарушений. Также высказывалась идея создания специальной системы судов исключительно по коррупционным преступлениям.

Все опрошенные говорили о необходимости совершенствования механизма противодействия исключительно в рамках правового государства. Мы согласны с этим мнением.

В заключении отметим, что коррупция — одна из древнейших проблем человечества. Как явление ее полностью искоренить невозможно, однако можно свести к минимуму ее проявления. Для этого следует проводить просветительскую работу в организациях общего, среднего и высшего образования для формирования негативного отношения к коррупции. Ряд исследователей считает, что общество до сих пор не осознало того факта, что оно живет в правовом государстве [4]. В Российской Федерации первоочередной задачей должно быть повышение уровня правовой грамотности населения и устранение правового нигилизма. Следует обеспечить реальное участие граждан в борьбе с коррупцией.

Таким образом мы сможем действительно приблизиться к созданию реальной действующей модели правового государства. В настоящий момент основное внимание уделяется борьбе со следствием данного явления, а не с его причинами. Следовательно, изменения должны коснуться социально-культурной основы общества и быть направлены в первую очередь на формирование морально-нравственных устоев личности.

Список литературы

1. Рейтинг стран мира по индексу восприятия коррупции // Гуманитарный портал. URL: https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index (дата обращения: 15.05.2022).

2. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478О // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/402619978/ (дата обращения: 15.05.2022).

3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 15.05.2022).

4. Новицкий И. Б. Римское право. Изд. 7-е стереотипное. М., 2002. 310 с.

5. Тепляшин И. В. Роль гражданского общества в противодействии коррупции: общетеоретические аспекты // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 516–528.

References:

1. Rating of countries in the world according to the corruption perception index // Humanitarian portal. URL: https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index (access date: May 15, 2022).

2. On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024: Decree of the President of the Russian Federation No. 478O dated August 16, 2021 // Garant. URL: https://base.garant.ru/402619978/ (access date: May 15, 2022).

3. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (access date: May 15, 2022).

4. Novitsky I. B. Roman law. Ed. 7th stereotypical. M., 2002. 310 p.

5. Teplyashin I. V. The role of civil society in combating corruption: general theoretical aspects // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2009. Issue. 9. Pp. 516–528.

УДК/UDC 343.9

Проблемы современного правового регулирования разграничения получения взятки и принятия подарка

Кочан Игорь Сергеевич
студент
Армавирский лингвистический социальный институт
г. Армавир, Россия
e-mail: igor.kochan.01@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье на основании действующего гражданского, административного и уголовного законодательства проводится разграничение получения взятки-благодарности и принятия подарка. Дается определение понятия взятки. Отмечается что теоретики и практики уголовного права в своих исследованиях разграничивают взятку-подкуп и взятку-благодарность, основываясь на временном критерии фактической передачи предмета взятки. Автором отстаивается тезис о необходимости декриминализации взятки-благодарности при отсутствии обусловленности получения вознаграждения и соответствующей договоренности между дарителем и одаряемым, поскольку данное деяние иллюстрирует не получение взятки, а принятие должностным лицом подарка, в связи с чем предлагается внести изменения в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, принятие подарка, получение взятки.

Problems of modern legal regulation of the distinction between receiving a bribe and accepting a gift

Kochan Igor Sergeyevich
student
Armavir Linguistic Social Institute
Armavir, Russia
e-mail: igor.kochan.01@mail.ru

Abstract

In this article, on the basis of the current civil, administrative and criminal legislation, a distinction is made between receiving a bribe-thank you and accepting a gift. The definition of the concept of a bribe is given. It is noted that theorists and practitioners of criminal law in their studies distinguish between a bribe-bribery and a bribe-gratitude, based on the temporal criterion of the actual transfer of the subject of the bribe. The author defends the thesis about the need to decriminalize a bribe-gratitude in the absence of conditionality for receiving a reward and an appropriate agreement between the donor and the donee, since this act does not illustrate the receipt of a bribe, but the acceptance of a gift by an official, in connection with which it is proposed to amend paragraph 8 of the Resolution of the Plenum of the Supreme of the Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes".

Key words: corruption, bribery, accepting a gift, receiving a bribe.

Коррупция — это один из самых распространенных видов преступления, который наносит вред как экономике страны, так и ее престижу в глазах обычных граждан. Высокий уровень коррупции ведет к разочарованию в демократии, недоверию к закону и власти, снижению конкурентоспособности государства в мировом сообществе. Сегодня проблема коррупции, подавления различных ее проявлений и противодействия ее распространению, выработки и практической реализации эффективной антикоррупционной политики является предельно острой и жизненно важной для Российской Федерации.

Одним из наиболее опасных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления на сегодняшний день является получение взятки, предусмотренное ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по

тексту — УК РФ) [3]. Размеры наказания за подобное деяние значительно превышают таковые за совершение, например, коммерческого подкупа, ненадлежащее исполнение должностных обязанностей и пр.

Исходя из формулировки ст. 290 УК РФ, получение взятки можно определить как «получение должностным лицом ... денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействий) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе» [1]. В свою очередь, мы видим, что теоретики и практики уголовного права в своих исследованиях также разграничивают взятку-подкуп и взятку-благодарность, основываясь на временном критерии фактической передачи предмета взятки [2, с. 60–62].

Аналогичной позиции придерживается Верховный Суд Российской Федерации (далее по тексту — ВС РФ). Согласно п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24, «ответственность за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве наступает независимо от времени получения должностным лицом взятки — до [взятка-подкуп] или после [взятка-благодарность] совершения им действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя. ... а также независимо от того, были ли указанные действия (бездействие) заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки» [3]. Однако, по нашему мнению, допущение возможности привлечения должностного лица к уголовной ответственности за получение каких-либо имущественных выгод после совершения им своих законных обязанностей, при отсутствии обусловленности получения подобного вознаграждения и договоренности между дарителем и одаряемым, является в корне неправильным, равно как и привлечение к уголовной ответственности дарителя за дачу взятки.

Для того чтобы подтвердить выдвинутый нами тезис, необходимо обратиться к соответствующим нормам гражданского и административного законодательства, регулирующим возможность принятия должностными лицами различных подарков.

Так, Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает прямой запрет гражданским служащим «получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения)» [4].

Исключение составляют лишь «подарки, полученные гражданским служащим в связи с протокольными мероприятиями» и пр.: в этом случае они признаются федеральной собственностью или собственностью субъекта Российской Федерации.

Соответственно, нарушение данного положения государственным служащим влечет наложение на него определенных дисциплинарных взысканий.

Основываясь на положениях данного нормативного правового акта, такие исследователи, как А. А. Саморуков, отмечают, что раз принятие подарков должностными лицами запрещено «в основополагающем акте, который определяет их статус, права и обязанности» и пр., то никаких исключений здесь быть не может [5, с. 28]. Соответственно, любой подарок должностному лицу является незаконным.

Если следовать такой логике, можно сделать вывод, что ст. 575 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), предусматривающая возможность принятия обычных подарков (стоимость которых не превышает 3000 рублей) лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации и ее субъектов, муниципальными служащими и пр., противоречит рассмотренной административно-правовой норме [6]. Вследствие этого многие ученые считают, что данная гражданско-правовая норма вообще не должна при-

менятся (позиция А. А. Саморукова). Другие же настаивают на возможности принятия подарков должностными лицами, аргументируя это тем, что нормы ГК РФ имеют преимущество (на основании абз. 2. п. 2 ст. 3 ГК РФ) в сравнении с иными федеральными законами [7, с. 68]; третьи просто подчеркивают существование коллизии между данными нормами при том, что они имеют равную юридическую силу [8, с. 36].

По нашему мнению, равно неверны все вышеперечисленные точки зрения. Представляется, что между нормами ст. 575 ГК РФ и пп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» коллизии, по сути, нет. Подчеркнем, что принятие обычных подарков не связано с осуществлением гражданским служащим своих полномочий: их «обычность» (т. е. распространенность аналогичных подарков среди людей, не связанных между собой административными правоотношениями) свидетельствует о том, что между дарителем и одаряемым имеются некие неформальные отношения (например, дружественные отношения между работниками одного отдела и пр.), в связи с чем соответствующая норма гражданского законодательства направлена на регулирование абсолютно другой сферы общественных отношений. При этом представляется очевидным, что принятие подарков от сослуживцев и коллег, если они не связаны с исполнением государственным служащим должностных обязанностей, вообще не имеет ограничения по стоимости.

Безусловно, при констатации взятки-подкупа направленность умысла лица на дачу (получение) взятки очевидна, поскольку деяния должностного лица, предусмотренные диспозицией ст. 290 УК РФ, совершаются им вследствие полученного вознаграждения. При этом обусловленность взятки и предварительная договоренность между субъектами не имеют значения, т. к. должностное лицо при получении материального блага полностью осознает незаконность своих действий по принятию взятки от лица, явно рассчитывающего на определенные привилегии. Именно поэтому, по словам Б. В. Волженкина, «взятка, имеющая харак-

тер подкупа, как правило, значительно опаснее взятки-благодарности» [11, с. 38–39].

Наконец, перейдем к рассмотрению взятки-благодарности. Не вызывает сомнений, что заранее обусловленное вознаграждение должностного лица, переданное ему после совершения им действий (бездействий), входящих в его служебные полномочия, а равно способствование должностного лица указанным действиям (бездействию), образует состав взяточничества. Это подтверждает также существование понятия «отложенная взятка», при которой действия (бездействие) лица, за которые получается вознаграждение, совершаются в период, когда лицо являлось должностным; но саму взятку лицо получает после прекращения такового статуса [12].

Что касается взятки-благодарности, при которой не имеет места ее обусловленность и договоренность с должностным лицом, следует сказать следующее. Ввиду того, что взятка-благодарность передается уже после совершения должностным лицом определенных действий с его стороны, сам государственный служащий не может иметь представления о том, что материальное благо, которое предлагает ему даритель, является взяткой (если взяткодатель прямо не говорит ему об этом). Тем самым, если должностное лицо осуществляет свои полномочия в пользу какого-либо лица или способствует указанным действиям в ущерб другим лицам, при этом не имея умысла на получение вознаграждения от этого лица, то он должен нести уголовную ответственность по ст. 286 УК РФ; но никак не по ст. 290 УК РФ, если субъект впоследствии предложил государственному служащему определенное материальное благо.

При этом представляется также нелогичным, что лицо, передающее должностному лицу блага уже после совершения им определенных действий, имеет умысел на дачу взятки. Во-первых, никакой пользы, как таковой, субъект уже не извлекает. А во-вторых, в данном случае он скорее преследует цель «облагодетельствовать одаряемого», что в полной мере соответствует ситуации с договором дарения [13]. Соответственно, можно сделать вывод, что получение каких-либо имущественных выгод

после совершения должностным лицом своих законных обязанностей при отсутствии обусловленности получения подобного вознаграждения и договоренности между дарителем и одаряемым является не получением взятки по ст. 290 УК РФ, а дисциплинарным проступком на основании пп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ».

При этом стоимость переданного блага также не имеет значения ввиду того, что подарок получен должностным лицом «в связи с исполнением им должностных обязанностей» (поэтому нормы гражданского права неприменимы к подобной ситуации). Таким образом, следует согласиться с позицией Б. В. Волженкина, который подчеркивал, что «при квалификации передачи ценностей, не обусловленной предварительной договоренностью за уже совершенные действия должностных лиц, следует обращать особое внимание на мотивы, которыми руководствовался взяткодатель, и на предмет самой взятки» [14, с. 51]. Таким образом, как отметил ученый, если со стороны дарителя «это был сугубо знак признательности, благодарности», а ценность подарка незначительна, то речь здесь идет лишь о должностном проступке, а не об уголовно-наказуемом деянии.

Отдельно следует сказать о том, что сделанный нами вывод не относится к случаям общего покровительства или попустительства по службе со стороны должностного лица, поскольку по смыслу указанных понятий они являются продолжаемыми и при этом всегда необусловленными, в связи с чем принятие должностным лицом материальных благ как до, так и после отдельного акта покровительства или попустительства по службе должно рассматриваться как взятка.

В связи с этим представляется неправильной устоявшаяся позиция законодателей и правоприменителей, согласно которой «ответственность за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве наступает ... после совершения им действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя ... а также независимо от того, были ли указанные дей-

ствия (бездействие) заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки» [15].

Несмотря на то, что на практике многие субъекты пытаются избежать уголовной ответственности, доказывая, что ими была получена (передана) не взятка, а подарок [16; 17], суды правильно устанавливают, что получение (передача) взятки имело место до совершения должностным лицом определенных действий, либо передача предмета взятки состоялась после таковых при наличии предварительной договоренности. Примеров судебных приговоров, согласно которым лицо было признано виновным за получение (передачу) необусловленной взятки-благодарности, обнаружено не было. В связи с этим нами предлагается внести соответствующие изменения в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 и добавить в него абз. 2:

«Разъяснить судам, что при квалификации передачи (получения) ценностей, не обусловленной предварительной договоренностью за уже совершенные действия (бездействие) должностных лиц, следует обращать особое внимание на мотивы и цели, которыми руководствовался взяткодатель, и на предмет самой взятки. При установлении факта отсутствия предварительной договоренности между сторонами и наличия в передаваемом должностному лицу предмете признаков, позволяющих отнести его к обычным подаркам, уголовная ответственность должностного лица исключается ввиду регулирования данных деяний нормами административного законодательства».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 14.03.2020 г.) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.05.2022).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.05.2022).

3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 // Российская газета. № 154. 17.07.2013.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.05.2022).

5. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_82959/ (дата обращения: 18.05.2022).

6. Абдулхасанова К. Ш. Сущность принципа свободы заключения договора // Объекты гражданских прав. Алматы, 2021.

7. Белов В. А. Гражданское право: Общая и особенная части: учебник. М., 2003. 960 с.

8. Богданов Д. Е. Принципы гражданского права и гражданско-правовой ответственности: от общего к частному // Актуальные проблемы правоведения. 2020. № 1..

9. Гатин А. М. Гражданское право. Учебное пособие. М., 2010. 287 с.

10. Гражданское право. учебник / Под ред. С. С Алексеева. М., 2021. 440 с.

11. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2019. 720 с.

12. Завидов Б. Д., Слюсаренко М. И. Отдельные пробелы и противоречия основных начал (принципов) гражданского законодательства России // Юрист. 2021. № 4.

13. Зрелов А. Запрещенные и легальные подарки // Налоговый вестник. 2013. № 11. С. 60–64.

14. Корсаков К. В. Адекватность и соразмерность превенции — залог эффективности борьбы с современной организованной преступностью // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1. С. 19–22.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended on March 14, 2020) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_28399/ (access date: May 18, 2022).

2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_5142/ (access date: May 18, 2022).

3. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 (as amended on December 3, 2013) // Rossiyskaya Gazeta. No. 154. 17.07.2013.

4. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 25.03.2022) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_10699/ (access date: May 18, 2022).

5. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Consultant Plus ATP. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-82959/ (access date: May 18, 2022).

6. Abdulkhasanova K. Sh. The essence of the principle of freedom to conclude a contract // Objects of civil rights. Almaty, 2021.

7. Belov V. A. Civil law: General and special parts: textbook. M., 2003. 960 p.

8. Bogdanov D. E. Principles of civil law and civil liability: from general to particular // Actual problems of jurisprudence. 2020. No. 1.

9. Gatin A. M. Civil law. Tutorial. M., 2010. 287 p.

10. Civil law. textbook / Ed. S. S Alekseev. M., 2021. 440 p.

11. Civil law. In 4 vols. Vol. 1: General part / Resp. ed. E. A. Sukhanov. M., 2019. 720 p.

12. Zavidov B. D., Slyusarenko M. I. Separate gaps and contradictions of the main principles (principles) of Russian civil legislation // Lawyer. 2021. No. 4.

13. Zrelov A. Prohibited and legal gifts // Tax Bulletin. 2013. No. 11. Pp. 60–64.

14. Korsakov K. V. Adequacy and proportionality of prevention the key to the effectiveness of the fight against modern organized crime // Law enforcement agencies: theory and practice. 2015. No. 1. Pp. 19–22.

УДК/UDC 32.019.57

Идеологическая составляющая противодействия субкультуре «Колумбайн» в подростковой и молодежной среде

Лапсарь Маргарита Владимировна
студентка Краснодарского университета МВД России
г. Краснодар, Россия
e-mail: margota.lapsar@gmail.com

Аннотация

Предлагаемая научно-исследовательская работа посвящена актуальной для социальной и правоохранительной практики проблеме противодействия распространению субкультуры движения «Колумбайн» в подростковой и молодежной среде. Специфика авторского подхода заключается в реконструкции идеологии данной субкультуры и разработке мер противодействия ее распространению. В работе подчеркивается, что движение «Колумбайн» не представляет собой общественное объединение в традиционном, политологическом значении данного термина, что прямым образом влияет на характер его идеологии и форм его распространения. В заключении автором формулируются общесоциальные и криминальные меры противодействия феномену скулшутинга. Также предлагается закрепить в действующем антиэкстремистском законодательстве понятий «идеология экстремисткой направленности», «идеология криминальной направленности» и «идеология деструктивной направленности». Указывается, что экстремистские идеологии создают угрозу прежде всего государству, криминальные — обществу, деструктивные — личности.

Ключевые слова: экстремизм, идеология экстремистской направленности, терроризм, деструктивная идеология, деструктивная субкультура.

The ideological component of counteraction to the Columbine subculture in the teenage and youth environment

Lapsar Maegarita Vladimirovna
student of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnodar, Russia
e-mail: margota.lapsar@gmail.com

Abstract

The proposed research work is devoted to the problem of counteracting the spread of the Columbine movement subculture among adolescents and youth, which is relevant for social and law enforcement practice. The specificity of the author's approach lies in the reconstruction of the ideology of this subculture and the development of measures to counteract its spread. The work emphasizes that the Columbine movement is not a public association in the traditional, political sense of this term, which directly affects the nature of its ideology and the forms of its distribution. In conclusion, the author formulates general social and criminal measures to counter the phenomenon of school shooting. It is also proposed to consolidate in the current anti-extremist legislation the concepts of "extremist ideology "criminal ideology"and "destructive ideology". It is indicated that extremist ideologies pose a threat primarily to the state, criminal - to society, destructive - to individuals.

Key words: extremism, extremist ideology, terrorism, destructive ideology, destructive subculture.

В настоящее время одной угроз экстремистского характера, с которой приходится сталкиваться современному обществу, является международное общественное движение «Колумбайн». Свое наименование данное движение получило от названия американской школы, пострадавшей от террористического акта, совершенного двумя ее учащимися. Следует подчеркнуть, что движение «Колумбайн» не представляет собой общественное объединение в традиционном, политологическом значении данного термина. По сути данное движение, несмотря на то, что его представители совершают реальные террористические акты, является прежде всего интернет-сообществом, действующим в различных странах и оправдывающим противоправную практику скулшутинга (вооруженного нападения учащегося или стороннего человека на школьников внутри учебного заведения).

Поэтому в социально-структурном отношении международное общественное движение «Колумбайн» представляет собой сетевое сообщество, состоящее из изолированных друг от друга объединений интернет-пользователей. Дискретность интернет-движения в поддержку скулшутинга проявилось, в частности, в том, что в отдельных странах существуют собственные, национальные формы поддержки практики скулшутинга. Например, в российском сегменте интернет-сообщества «Колумбайн» после массового убийства в 2017 г. студентом учащихся и преподавателей в Керченском политехническом колледже, долгое время была распространена идея о переименовании сторонников данного сообщества из «колумбайнеров» в «росляковцев», по фамилии керченского «стрелка» Владислава Рослякова. Таким образом, движение «Колумбайн» не имеет единого руководящего центра, а поддерживает свое существование в сети «Интернет» посредством периодического возникновения интернет-сообществ, в той или иной форме солидаризующихся с актами массовых убийств в образовательных учреждениях, чаще всего в школах. Другими словами, организующим центром движения служит стремление определенных категорий интернет-пользователей в различной форме продемонстрировать свою солидарность с идеей массового убийства на территории учебного заведения.

Вокруг данной идеи в интернет-пространстве сформировалась подростковая субкультура. При этом главной отличительной чертой идеологии субкультуры движения «Колумбайн» является то, что в ее основании лежат определенные психопатологии, которые в дальнейшем получают рациональное обоснование. Так, к числу базовых психологических установок участников движения «Колумбайн» следует отнести нарциссизм, психопатизм, приводящие к формированию социопатической модели поведения, для которой интернет-субкультура являться практически идеальной формой реализации. Но несмотря на определяющее значение психологической составляющей в субкультуре «Колумбайн», идеологическая составляющая в ней также играет заметную роль, поскольку данная

субкультура стремится к рациональному оправданию противоправной практики скулшутинга.

Если же говорить о степени разработанности данной субкультуры, то следует признать, что она включает в себя довольно большое число элементов, к числу которых относят: ценностные ориентиры, мировоззренческие установки, модели поведения, формы организации досуга, виды творчества.

Попытки рационального оправдания массовых убийств имеют в рассматриваемой субкультуре самые различные формы: публикаций манифестов и заявлений, ведения дневников, написания фанфиков, рисования комиксов, участия в полемике в различных интернет-форумах. Структурная развитость интернет-субкультуры движения «Колумбайн», наряду с попытками рационального обоснования практики скулшутинга, представляет значительную угрозу общественной безопасности. Во многом это обусловлено тем, что характерные черты данной субкультуры:

1) разжигают ненависть как к обществу в целом, так и к своему ближайшему социальному окружению;
2) формируют представление в среде подростков и молодежи о допустимости и оправданности массовых убийств;
3) способствуют вовлечению в интернет-субкультуры новых членов из-за разнообразия форм ее проявления;
4) способствуют распространению информации о возможных способах совершения террористических актов;
5) формируют культ лиц, совершивших террористические акты, что способствует оправданию противоправной практики скулшутинга;
6) создают предпосылки для совершения террористических актов в образовательных организациях, в т. ч. и с целью самоутверждения в интернет-сообществе.

Данные проявления рационального аспекта субкультуры движения «Колумбайн» приводят к необходимости, с одной стороны, реконструкции его идеологии в целостном виде, а с другой — в разработке кон-

цепции противодействия ее распространению. Важность рассмотрения данных задач более подробно обусловлена тем, что в настоящее время в научно-исследовательской литературе, посвященной феномену скулшутинга, идеологии уделено мало внимания.

Одной из важнейших причин существования у субкультуры движения «Колумбайн» определенной идеологии следует признать наличие у «основоположников» данной субкультуры — Эрика Харриса и Дилана Клиболда — определенных знаний в области философии и попытки сконструировать собственное мировоззрение, оправдывающее планируемое ими преступление. После совершения ими чудовищного террористического акта в школе «Колумбайн» и их превращения в культовых фигур соответствующей деструктивной субкультуры, оставшиеся после них дневники послужили основанием для возникновения примитивной по своему характеру, но вместе с тем убедительной для подростков концепции.

В основании идеологии движения «Колумбайн» лежит мировоззренческая установка, которую в структурном отношении представляет собой противопоставление «индивидуальное я — безличностный мир (оно)». Эта установка была заимствована Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом из философии Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и А. Камю, но при этом получила человеконенавистническую интерпретацию. В самом общем виде, насколько это позволяют судить дневники, интернет-переписка и посты участников субкультуры «Колумбайн», эта интерпретация выглядит следующим образом.

Бога не существует, человек живет в безличностном мире, и потому у него есть уникальная возможность самореализации, которая заключается в полной свободе от любых внешних ограничений. Однако подавляющее большинство людей пренебрегают имеющейся у них уникальной возможностью и добровольно превращаются в стадных животных, подчиняющихся бесконечному числу условностей, ограничений, правил и запретов. Этим «недочеловекам» противостоит подлинная индивидуальность, в полной мере осознавшая свою внутреннюю свободу и полная

решимости реализовать ее. Свободная индивидуальность постоянно обращается к людям с призывами стать подлинно свободными, но люди, сами превратившие себя в обезличенную социальную массу, этих призывов не слышат. Поэтому у свободной личности есть только один выход — совершить акт, который, с одной стороны, был бы приговором для обезличивших себя людей, а с другой — призывом для лиц, способных понять и реализовать идеал свободной индивидуальности. Таким актом является массовое убийство с последующим самоубийством.

Необходимость самоубийства обосновывается следующим образом. Нахождение индивида в логической оппозиции «Я — Оно» означает, что никакой другой личности, кроме него самого, не существует. Именно по этой причине идеология скулшутерства приходит к идее, выраженной одним из героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Если нет Бога, значит я бог» [1]. Это же идея лежит и в основании концепции «сверхчеловека» Ф. Ницше и является ключом к правильному пониманию главного вопроса, задаваемого Родионом Раскольниковым самому себе: «Тварь ли я дрожащая или право имею?». Смысл этот фразы заключается в выборе человеком между двумя мировоззренческими установками, позднее четко зафиксированными представителем религиозного экзистенциализма М. Бубером — «Я и Оно» и «Я и Ты», где под «Ты» понимается абсолютное «Я», или личностный Бог. Выбор индивидом установки «Я — Оно» неизбежно влечет за собой провозглашение себя смысловым центром мира, а следовательно, создает предпосылки для его превращения в Бога. Именно эта тенденция и была реализована основоположником идеологии движения «Колумбайн», чей дневник получил в сложившейся вокруг него субкультуре наименование «Дневника Бога». По этой же причине приверженцы данной идеологии называют себя богами.

В свою очередь, само понятие Бога предполагает право судить людей, поскольку Бог является совершенным существом. Естественно, что, присвоив себе права Бога, потенциальный или реальный скулшутер полагает возможным рассматривать себя высшей правовой инстанцией и

судить людей. Прямым следствием такого «суда» и служит практика оправдания и совершения массовых убийств.

Другим важным аспектом понятия Бога служит то, что он является творцом мира. В философии Ф. Ницше невозможность человека, осознавшего себя сравнимым с Богом существом, преодолеть свою конечность нивелируется с помощью концепции «вечного возвращения», согласно которой все ситуации повторятся вновь, и «сверхчеловек» должен их проживать так, чтобы ему не было стыдно перед самим собой за свои действия.

На основе «Дневника Бога» концепция «вечного возвращения» заменятся в субкультуре движения «Колумбайн» концепцией «мира без людей». Эта концепция представляет собой своеобразный идеал того, к чему должен стремиться в своей жизни скулшутер, — к уничтожению людей как таковых, поскольку они не имеют право на существование. С другой стороны, «мир без людей» — это своеобразное представление скулшутера о том, каким должно быть его существование после смерти, если таковое будет иметь место. Это бытие чистой, ничем и никем не ограниченной, наслаждающейся собой индивидуальности. Данное представление в аспекте загробного существования можно назвать не более чем идеалом или даже мечтой, поскольку большинство скулшутеров убеждены в том, что после смерти их ждет забвение.

Идеи божественности собственной индивидуальности и отсутствия посмертного воздаяния потребовали от идеологии движения «Колумбайн» признания необходимости самоубийства после совершения террористического акта. В противном случае у «мира», т. е. у общества, есть возможность доказать конечность и подсудность скулшутера, что означает ни что иное как крах его представления о себе как о Боге. Другими словами, Бог, который может быть судим, Богом не является, поэтому в задачу индивида, чувствующего себя Богом, входит переступание через один из важнейших запретов человеческого общества — запрет на убийство — с одновременным самоубийством.

Завершая краткий обзор идеологии движения «Колумбайн», необходимо подчеркнуть, что она не имеет целостной и детальной проработки. Кроме того, собственно идеологическая составляющая имеет в данной субкультуре второстепенный характер. Во многом это обусловлено тем, что смысловым ее центром служит противоправное деяние, обусловленное целым рядом психологических причин, а не определенная социальная, политическая или религиозно-политическая доктрина, что характерно для идеологий экстремистского характера, в которых политическая составляющая играет определяющую роль. Вместе с тем идеология движения «Колумбайн» имеет ряд сходств с идеологией экстремизма и терроризма. Так, несмотря на отсутствие посягательств на захват государственной власти или стремления оказать прямое воздействие на нее, идеология движения «Колумбайн» все же может отчасти отнесена к экстремистским идеологиям, поскольку осуществляет призывы к совершению террористических актов, оправдывает массовые убийства людей и направлена на запугивание общества. Однако отсутствие политической доктрины в основании идеологии скулшутерства позволяет определить ее доктрину как деструктивную идеологию.

На наш взгляд, следует дополнить действующее антиэкстремистское законодательство понятиями «идеология экстремисткой направленности», «идеология криминальной направленности» и «идеология деструктивной направленности» с целью уточнения угроз действующей системе правопорядка. Так, экстремистские идеологии создают угрозу прежде всего государству, криминальные — обществу, деструктивные — личности. Общим наименованием всех трех видов идеологического обоснования социального насилия может служить термин «идеология противоправной направленности».

Для сотрудников подразделений по противодействию экстремизму угроза со стороны деструктивных сообществ является одной из новых угроз, требующих определенной идеологической, психологической, правовой и технической подготовки. Необходимость идеологической подготовки в процессе противодействия деструктивной идеологии в целом и

идеологии движения «Колумбайн» в частности заключается в ее специфическом характере, значительным образом отличающемся от радикальных и экстремистских доктрин. В свою очередь, требование значительных изменений в психологическом обеспечении деятельности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму при проведении мероприятий по профилактике, предупреждению, пресечению, расследованию и раскрытию преступлений, связанных с феноменом скулшутинга, обусловлена несовершеннолетним возрастом представителей движения «Колумбайн». Наконец, правовое обеспечение сотрудников оперативных подразделений, противодействующих различным угрозам со стороны деструктивных сообществ, требует совершенствования правовой базы, поскольку в настоящее время процесс создания правовых норм, нацеленных на защиту сознания подрастающего поколения, находится в начальной стадии.

Наличие в субкультуре движения «Колумбайн» относительно развитой идеологической составляющей, оправдывающей и стимулирующей осуществление террористических актов, приводит к потребности включения в общесоциальные и криминальные меры противодействия феномену скулшутинга целого ряда социально-психологических приемов, к числу которых следует отнести:

1) создание базы данных о субкультуре «Колумбайн», включающей в себя сведения о мировоззрении входящих в нее участников, их ценностных ориентирах, модели поведения, отличительных признаков и способах совершения противоправных действий;
2) выявление групп риска в подростковых и молодежных средах на основе знания социально-психологических и мировоззренческих особенностей подростков и молодых людей, склонных к применению насилия;
3) осуществление подготовки специалистов, способных вести профилактическую работу с представителями групп риска в сети «Интернет»;

4) осуществление системного мониторинга социальных сетей на предмет выявления интернет-сообществ субкультуры «Колумбайн»;
5) разработка методов профилактики распространения идеологии субкультуры «Колумбайн» в сети «Интернет», включающую в себя как создание альтернативного контента, способного заинтересовать подростков и молодежь, так и идеологического опровержения установок данной субкультуры, осуществляемого с помощью художественных форм, характерных для молодежной интернет-культуры.

В завершении краткого анализа идеологического аспекта субкультуры «Колумбайн» и общесоциальных мер противодействия ее распространению в молодежной среде следует подчеркнуть, что в силу деструктивных установок сознания, лежащих в ее основании, идеологическое опровержение данной доктрины представляется достаточно сложным.

Список литературы:

1. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №4 (34). С. 442–446.

References:

1. Karpov V. O. The Columbine cult: the main determinants of mass murders in schools // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (34). Pp. 442–446.

УДК/UDC 343.98

Актуальные проблемы противодействия экстремизму в молодежной среде в Российской Федерации в условиях глобального политического кризиса

Лихачев Андрей Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: andrey.likhachev.03@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы противодействия экстремизму в молодежной среде в Российской Федерации в условиях глобального политического кризиса. Отмечается, что в настоящее время в целом экстремизм начинает принимать массовый характер в силу проблем межэтнических и межнациональных отношений, обострения международных отношений. Предпосылкой совершения преступления экстремисткой направленности является идеологическая негативная отрицательная обработка и вербовка или самостоятельное увлечение лица негативными идейными течениями, основанными на нетерпимости и радикализму по отношению к любым слоям общества. Автором предлагаются пути разрешения обозначенных в статье проблем, исследуется специфика молодежного экстремизма как опасного антисоциального явления, являющегося угрозой безопасности как отдельной личности, так и всему государству.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, национальная безопасность, радикальный экстремизм, угрозы, криминальное насилие.

Current problems of countering extremism among youth in the Russian Federation in conditions of the global political crisis

Likhachev Andrey Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: andrey.likhachev.03@mail.ru

Abstract

This article discusses some topical issues of countering extremism among young people in the Russian Federation in the context of the global political crisis. It is noted that at present, in general, extremism is beginning to take on a mass character due to the problems of interethnic and interethnic relations, the aggravation of international relations. A prerequisite for committing a crime of an extremist orientation is ideologically negative negative indoctrination and recruitment or independent infatuation of a person with negative ideological currents based on intolerance and radicalism in relation to any strata of society. The author suggests ways to resolve the problems identified in the article, explores the specifics of youth extremism as a dangerous anti-social phenomenon that is a threat to the security of both the individual and the entire state.

Key words: youth extremism, national security, radical extremism, threats, criminal violence.

На сегодняшний день одной из главных проблем Российской Федерации и Европы можно назвать рост радикализма и экстремизма в обществе, особенно среди молодежи. С каждым годом появляются новые формы выражения экстремистской деятельности.

Следует отметить, что экстремизм в целом постепенно начинает принимать массовый характер в силу проблем межэтнических и межнациональных отношений, обострения международных отношений. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в феврале 2022 г. обратил внимание ряда правоохранительных органов на проблему экстремизма как фактора дестабилизации общественной обстановки в государстве, подчеркивая необходимость профилактической работы.

Понятие экстремизма и экстремистской деятельности содержится в положениях Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1]. На наш взгляд, в целях

снижения правового нигилизма среди молодежи необходимо, чтобы молодые люди понимали сущность экстремизма. Важно, чтобы школьники и студенты осознавали как противоправный общественный характер преступного деяния так и неотвратимость наступления уголовной ответственности за совершение подобных преступлений [2].

В п. 19 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечаются угрозы «реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов», что подчеркивает растущую опасность распространения радикалистских и экстремистских идей и течений [3].

Стоит отметить, что борьба с экстремизмом в последние годы только набирает обороты. В странах восточной Европы (в бывших постсоветских республиках) активно развиваются неофашистские и неонацистские движения, которые запрещены в Российской Федерации.

Как показывает практика, возраст лица, совершающего преступления экстремисткой направленности, составляет от 14 до 25 лет, при этом ключевым показателем является радикальный, максималистский характер мотива и цели совершения преступления. Иначе говоря, предпосылкой совершения уголовно-правового деликта является идеологическая негативная отрицательная обработка и вербовка или самостоятельное увлечение негативными идейными течениями, основанными на нетерпимости и радикализму по отношению к любым слоям общества [4].

Во многом психологические причины экстремизма в молодежной среде — это социально-психологическая форма девиации, отклоняющегося психологического поведения, что является следствием нереализованности личностного потенциала преступника, что, безусловно, не является оправданием, но фактором, позволяющим предотвратить новые случаи экстремистских преступлений в молодежной среде. Отличительные признаки этой категории преступлений — особая жестокость, агрессия или аутоагрессия. Важно, что молодежь воспринимается как наиболее мобильная и склонная к вербовке социальная группа населения [5].

Особую опасность представляет применение криминального насилия в организованных формах, обеспечиваемое определенной криминальной инфраструктурой. Криминальное насилие становится способом решения проблем и порождается в среде, которой свойственны социально-экономическое неблагополучие, разрешение конфликтов с применением насилия, низкая культура, в т. ч. правовая, различные фоновые явления (алкоголизм, наркомания, игромания и т. д.) [6].

Отдельно необходимо выделить угрозы развития и продвижения сепаратистских, националистических, неонацистских идей экстремистского толка. Учитывая напряженные внешнеполитические отношения Российской Федерации с государствами блока НАТО, нельзя исключать вероятность вербовки среди молодежи на основе подобных экстремистских течений. Также следует обратить внимание на многоконфессиональный и многонациональный состав населения России. Можно предположить, что продвижение экстремистских идей может быть направлено на провокации внутригосударственных гражданских конфликтов, дестабилизацию общественно-политической ситуации в стране.

Так, например, в конце марта — начале апреля Федеральная служба безопасности Российской Федерации в координации с Министерством внутренних дел Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации произвели задержание сторонников и членов неонацистской молодежной группировки «М.К.У». В 23 субъектах Российской Федерации было задержано 60 членов преступного сообщества. Центр общественных связей Федеральной службы безопасности Российской Федерации сообщил, что в местах проживания задержанных были изъяты охотничьи ружья и патроны к ним, а также различное холодное оружие. Кроме того, была обнаружена переписка задержанных с создателем «М.К.У.» гражданином Украины Егором Красновым [7].

Данный пример весьма подробно иллюстрирует реальные угрозы организации широких разветвленных сетей и преступных ячеек, в т. ч. контролируемых и финансируемых из-за рубежа, цель которых — продвижение экстремистских, неонацистских и радикалистских идей в Рос-

сийской Федерации и, как следствие, вербовка сторонников преимущественно из числа малограмотных представителей молодежи, легко поддающихся полярным идеям и псевдоценностям.

Очевидно, что важным направлением в правоохранительной деятельности по вопросу противодействия молодежному экстремизму является в первую очередь контроль территориальной границы и жесткий миграционный режим относительно въезжающих в страну лиц. Учитывая сложившуюся политическую ситуацию, проникновение диверсионных и экстремистских групп будет, к сожалению, только нарастать. Пограничные территории уже сталкиваются с подобными проявлениями в виде повреждения железнодорожных путей сообщения и мостов — важных объектов российской инфраструктуры.

Таким образом, говоря о путях и способах противодействия распространения молодежного экстремизма в Российской Федерации, следует выделить некоторые приоритетные, на наш взгляд, направления:

1. Выработка идеи, которая бы объединяла все народы и народности Российской Федерации в борьбе с экстремизмом.
2. Повышение правовой культуры граждан, т.к. в большинстве своей бескультурье и незнание приводит к тому, что молодые люди становятся жертвами экстремисткой пропаганды.
3. Ужесточение законодательства в области миграции. Информирование молодежи о методах, способах вербовки и о последствиях вступления в экстремистские группировки.
4. Ознакомление общества с основами православной и мусульманской культуры для исключения возможности вербовки под предлогом религиозной принадлежности.
5. Стабилизация межконфессиональных отношений.
6. Сохранение традиций и ценностей народов России.
7. Поддержка работы военно-патриотических клубов, поощрение изучения истории и классической русской литературы.

Список литературы:

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 19.05.2021).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-10699/ (дата обращения: 19.05.2021).

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 19.05.2021).

4. Коняхин В. П., Прохорова М. Л., Петровский А. В. Социально-психологические причины молодежного экстремизма в Краснодарском крае // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 6. С. 724–733.

5. Гринько С. Д. Профилактика молодежного экстремизма // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 133–135.

6. Вандышев В. В. Криминальное насилие против личности // Современные проблемы и стратегии борьбы с преступностью. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 84–89.

7. ФСБ задержала в 23 регионах России 60 украинских неонацистов // Российская газета. № 69 (871). 30.03.2022.

References:

1. On counteracting extremist activity: Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-37867/ (access date: May 19, 2021).

2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: May 19, 2021).

3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 // Consultant Plus SPS. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (access date: May 19, 2021).

4. Konyakhin V. P., Prokhorova M. L., Petrovsky A. V. Socio-psychological causes of youth extremism in the Krasnodar Territory // All-Russian criminological journal. 2021. No. 6. Pp. 724–733.

5. Grinko S. D. Prevention of youth extremism // Public service and personnel. 2021. No. 1. Pp. 133–135.

6. Vandyshev V. V. Criminal violence against a person // Modern problems and strategies for combating crime. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2005. Pp. 84–89.

7. FSB detained 60 Ukrainian neo-Nazis in 23 regions of Russia // Rossiyskaya Gazeta. No. 69 (871). 30.03.2022.

УДК/UDC 343.98

Уголовно-правовые средства воздействия на коррупционные преступления

Ломакина Виктория Сергеевна
студентка Армавирского государственного педагогического университета
г. Армавир, Россия
e-mail: kovfrbyf@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются уголовно-правовые средства воздействия на преступления в сфере коррупции. Отмечается, что в уголовном законодательстве не закреплено понятие «коррупционное преступление». Указывается, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации включает различные виды коррупционных преступлений, распределенные по разделам и главам в зависимости от важности и значимости основного непосредственного объекта данных посягательств. Следует отметить, что по данным Генерального прокурора России, из всего класса российских чиновников около 90% коррумпировано. В связи с этим присутствует необходимость совершенствования имеющихся и поиска новых, более эффективных средств сдерживания, нейтрализации и предупреждения общественно опасных злоупотреблений властью в личных целях. По мнению автора, устранение в уголовном законодательстве расплывчатых формулировок, ошибок, коллизий, пробелов и пр. представляется наиболее перспективным и полезным направлением приложения усилий представителей уголовно-правовой теории и судебно-следственной практики.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, уголовное право, уголовно-правовые средства воздействия.

Criminal legal means of influencing corruption crimes

Lomakina Viktorya Sergeyevna
student of the Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia
e-mail: kovfrbyf@yandex.ru

Abstract

This article discusses the criminal law means of influencing crimes in the field of corruption. It is noted that the concept of "corruption crime"is not fixed in the criminal legislation. It is indicated that the current Criminal Code of the Russian Federation includes various types of corruption crimes, divided into sections and chapters, depending on the importance and significance of the main direct object of these attacks. It should be noted that according to the Prosecutor General of Russia, out of the entire class of Russian officials, about 90% are corrupt. In this regard, there is a need to improve the existing ones and search for new, more effective means of deterring, neutralizing and preventing socially dangerous abuses of power for personal purposes. According to the author, the elimination of vague wordings, errors, conflicts, gaps, etc. in criminal legislation seems to be the most promising and useful direction for the efforts of representatives of criminal law theory and judicial investigative practice.

Key words: corruption crimes, criminal law, criminal legal means of influence.

Само понятие «коррупционное преступление» отсутствует в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ). В отечественной юридической литературе коррупция понимается как подкуп, продажность государственных, иных служащих и на этой основе корыстное использование в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий подкупаемых лиц, связанных с ними авторитета и возможностей, а равно получение каких-либо ненадлежащих преимуществ субъектами подкупа [1, с. 267].

Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, превышение должностных полномочий, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование лицом выгоды для себя или третьего лица в виде денег, ценностей, иного имущества или имущественных услуг, иных имущественных прав, либо незаконное предоставление такой выгоды третьему лицу вопреки законным интересам общества и государства. С учетом этого определения Генеральной прокуратурой России и МВД России было разработано Указание «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Феде-

рации, используемых при формировании статистической отчетности» [2, с. 34]. Фактическое использование этих списков является обязательным в практической работе правоохранительных органов. В результате принятия данного нормативного акта не потребовалось вносить изменения в часть УК РФ, касающуюся коррупционных преступлений.

Так, согласно Перечню № 23 к коррупционным преступлениям относятся противоправные деяния, обладающие всеми следующими признаками:

1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;
2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
3) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);
4) совершение преступления только с прямым умыслом.

Исключением являются преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды [3, с. 105].

Таким образом, для того чтобы преступление имело коррупционный характер, оно должно отвечать перечисленным условиям или изначально содержать признаки коррупционного состава (т. е. без дополнительных условий).

Не вдаваясь в теоретические размышления по поводу различных подходов к пониманию сущности «уголовно-правовых средств», отождествления или разграничения их с понятиями «уголовно-правовые нормы» и «уголовно-правовое воздействие», определим, что «уголовно-правовые средства воздействия на преступления» – это нормы, закрепленные уголовным законодательством и применяемые к лицам в связи с совершенным преступлением.

Уголовно-правовые средства воздействия на коррупционные преступления — это часть уголовно-правовых средств, установленных законодательством и применяемых к лицам в связи совершенным коррупционным преступлением, связанных с определенными правовыми последствиями/правоограничениями и направленных на восстановление нарушенных общественных отношений и предупреждение совершения новых коррупционных преступлений [4, с. 85].

Можно выделить два подхода к классификации уголовно-правовых средств воздействия на коррупционные преступления:

1. Кодифицированные нормы. В соответствии с данным подходом весь перечень уголовно-правовых средств воздействия на коррупционные преступления кодифицирован в УК РФ и предусматривает основания и порядок привлечения к уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности, назначения наказания и освобождения от наказания, на основании чего их можно разделить на уголовно-правовые средства Общей части УК РФ и уголовно-правовые средства Особенной части УК РФ.
2. Правовые нормы, относящиеся к сфере реализации уголовно-правовой политики. В соответствии с данным подходом сред-

ства уголовно-правового воздействия можно различать по целевой направленности и по своему характеру.

По целевой направленности выделяют:

1. Уголовно-правовые средства предупреждения коррупционных преступлений: пропаганда уголовного законодательства, разъяснение неблагоприятных последствий за совершение коррупционного преступления, официальное предостережение потенциальных нарушителей уголовного закона, побуждение их к добровольному отказу от завершения начатых преступлений, содействие социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. В связи с этим данные средства можно классифицировать как профилактические, что сближает их с общеправовыми средствами и допускает возможность воздействия на причины и условия, порождающие коррупцию, до состоявшегося факта совершения коррупционного преступления. Наличие уголовно-правовых средств предупреждения и заложенный в них механизм реализации однозначно говорят о том, что УК РФ не является исключительно «карательным», а несет в себе профилактическую функцию. Государство наличием уголовного закона (уголовной ответственности и наказания) предупреждает гражданина о последствиях нарушения установленной нормы, т. е. дает гражданину выбор: соблюдать действующее законодательство или понести уголовную ответственность за его нарушение. Но даже при совершенном преступлении коррупционной направленности при определенных условиях, изложенных в УК РФ, гражданин может быть освобожден от уголовной ответственности или от наказания полностью или частично [5, с. 1–3].
2. Уголовно-правовые средства пресечения коррупционных преступлений: побуждение лица к добровольному отказу и деятельному раскаянию, своевременное применение уголовно-правовых норм на стадии приготовления и покушения, норм с

«двойной превенцией». Эти средства реализуются уже по непосредственно совершающемуся коррупционному преступлению и в какой-то степени дают шанс коррупционеру отказаться продолжать преступную деятельность добровольно.

3. Реализация уголовной ответственности (квалификация преступлений на всех стадиях привлечения к уголовной ответственности, использование наказания, смягчение или освобождение от наказания, применение иных средств уголовно-правового характера). Данные средства работают уже в отношении свершившегося факта коррупционного преступления

В рамках традиционного формально-юридического подхода уголовно-правовые средства воздействия на коррупцию разделяются на наказание и иные средства уголовно правового характера (ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 6 УК РФ). Причем если наказание и его виды четко определены в УК РФ (ст. 43-45), как и порядок назначения наказания (гл. 10 УК РФ), то с иными средствами такой четкости нет. Т. е. иные средства не являются наказанием, но обладают определенным потенциалом (предупредительного и карательного) воздействия на лицо, осужденное за совершение коррупционного преступления

К средствам, дополняющим уголовное наказание, относятся: судимость, конфискация имущества, возмещение ущерба [6, с. 102].

К средствам, заменяющим уголовное наказание, можно отнести принудительные меры воспитательного воздействия (несовершеннолетние), принудительные меры медицинского характера, условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания, отсрочка отбывания наказания.

Одним из существенных факторов, способствующих коррупции в современном российской обществе, по мнению ряда ученых, является «наличие в действующем законодательстве определенных дефектов (расплывчатых формулировок, ошибок, коллизий, пробелов и проч.)» [7, с. 43]. Устранение этих недостатков, повышение эффективности уже имеющихся уголовно-правовых запретов путем детализации механизма их

реализации представляется более перспективным и полезным направлением приложения усилий представителей уголовно-правовой теории и судебно-следственной практики.

Список литературы:

1. Российская криминологическая энциклопедия. М.: Норма-Инфра-М, 2000. 808 с.

2. Соколов А. Н. Юридическая практика как критерий управления обществом: монография / Под ред. А. Н. Соколова и В. М. Бочарова. Калиниград, 2008. 128 с.

3. Лунеев В. Настоящей борьбы с коррупцией в России нет // Уголовное право. 2007. № 5. С. 104–108.

4. Абызов Р. М. Криминологический анализ организованной преступности: монография. Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2004. 136 с.

5. Политическая коррупция. Оксфорд, 1988. С. 1–3.

6. Ковалева Н. М. Должностное лицо и должностное преступление в законодательстве, теории и судебной практике России: монография. М., 2006. 199 с.

7. Скобликов П. А. Коррупционные ниши в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» // Российская юстиция. 2007. № 7. С. 43–47.

References:

1. Russian criminological encyclopedia. M.: Norma-Infra-M, 2000. 808 p.

2. Sokolov A. N. Legal practice as a criterion for managing society: monograph / Ed. A. N. Sokolov and V. M. Bocharov. Kaliningrad, 2008. 128 p.

3. Luneev V. There is no real fight against corruption in Russia // Criminal law. 2007. No. 5. Pp. 104–108.

4. Abyzov R. M. Criminological analysis of organized crime: monograph. Barnaul: Publishing House of the Altai Academy of Economics and Law, 2004. 136 p.

5. Political corruption. Oxford, 1988, pp. 1–3.

6. Kovaleva N. M. Official and malfeasance in the legislation, theory and judicial practice of Russia: monograph. M., 2006. 199 p.

7. Skoblikov P. A. Corruption niches in the Federal Law "On Enforcement Proceedings"// Russian Justice. 2007. No. 7. Pp. 43–47.

УДК/UDC 343.34

Экстремизм в сфере цифровой среды

Маркарян Самвел Арамович
студент Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия
г. Краснодар, Россия
e-mail: cfvdtk1@gmail.com

Аннотация

В эпоху активного развития глобальной сети «Интернет» одной из ключевых проблем с точки зрения уголовно-правой и уголовно-процессуальной деятельности является четкое законодательное регулирование, контроль и надзор в сфере коммуникации и информационного потока в IT-отрасли. На первый план борьбы с экстремизмом, особенно среди молодежи, выступает профилактика таких преступлений посредством устранения имеющихся законодательных пробелов и процессуальных проблем, обусловленных сложностью политической и правовой обстановки. По мнению автора, российская законодательная база на данный момент недостаточно разработана. В статье предлагается внести ряд поправок в нормативно-правовые акты, а также предлагаются некоторые нововведения, призванные ужесточить наказание за данное преступление и установить более пристальный контроль за информацией, размещаемой в социальных сетях.

Ключевые слова: экстремизм, информационный экстремизм, интернет, цифровая среда, социальные сети.

Extremism in the digital environment

Markaryan Samvel Aramovich
student of the North Caucasian branch of the Russian State University of Justice
Krasnodar, Russia
e-mail: cfvdtk1@gmail.com

Abstract

In the era of active development of the global Internet, one of the key problems in terms of criminal law and criminal procedure is clear legislative regulation, control and

supervision in the field of communication and information flow in the IT industry. At the forefront of the fight against extremism, especially among young people, is the prevention of such crimes by eliminating existing legislative gaps and procedural problems caused by the complexity of the political and legal environment. According to the author, the Russian legislative base is currently not sufficiently developed. The article proposes to make a number of amendments to the legal acts, as well as some innovations designed to toughen the punishment for this crime and establish closer control over information posted on social networks.

Key words: extremism, information extremism, Internet, digital environment, social networks.

Информационное пространство сети «Интернет» предоставляет колоссальную свободу действий, это отражается на всех сферах общественной жизни. Люди могут как находить для себя полезную информацию из любой точки мира, так и совершать преступления, находясь где угодно. И это обеспечило настоящий простор для деятельности тем, кто нарушает закон посредством вбросов недостоверной информации, публикаций deepfake-видео, кто использует приемы кибербуллинга и пр. Это представляет собой лишь малую часть известных нам преступлений во всемирной паутине. Экстремизм и терроризм в киберпространстве стали реальной угрозой миру и безопасности человечества.

Основной проблемой, на наш взгляд, является огромное разнообразие интернет-ресурсов: социальные сети, форумы, онлайн-площадки и т. д. Все эти ресурсы не подпадают под законодательство о средствах массовой информации и тем самым не могут ими регулироваться. Экстремистская деятельность регулируется ст. 280, 282.1, 282.2, 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ), а также частично рассматривается ст. 63 УК РФ при наличии факторов, отягчающих преступление.

Анализируя систему имеющихся нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере, с уверенностью можно сказать, что законодательная база на данный момент недостаточно разработана, чтобы гово-

рить о грамотном противодействии развитию такого тяжкого преступления, как экстремизм [1].

Экстремистская деятельность — это насильственное изменение конституционного строя, публичные призывы к совершению преступных деяний, поддерживание нацисткой символики, идеологии и пр., исходя из положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее по тексту — ФЗ об экстремизме). И в этом кроется одна из ключевых проблем, т. к. фактически появляется возможность недопустимого толкования законодательства, поскольку перечень действий является открытым, а четкого определения нет ни в УК РФ, ни в ФЗ об экстремизме.

Важно отметить, что существует большое количество законов, так или иначе направленных на противодействие экстремизму, в т. ч. и в сети «Интернет». Например, федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регулируя в ст. 10 распространение информации или предоставление информации, содержит запрет «распространения информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды» [2]. Ключевым моментом здесь является фактор предоставления информации, содержащей запрет на распространение через сеть «Интернет», но не на цифровой экстремизм в целом.

Для того чтобы более детально разобраться в данном вопросе, стоит раскрыть понятие информационного экстремизма, ведь многие ученые склоняются к тому, что запрещен именно речевой экстремизм, так сказать «из уст в уста», но мало кто рассматривает его информационную сторону, что является проблемой и еще одной уловкой в руках экстремиста [3]. Так, например, в научной литературе встречается определение информационного экстремизма как действия, призывающего к насилию, осуществляющего и оправдывающего агрессию, направленную на отдельные группы граждан, для незамедлительного решения определенного рода проблем.

У цифрового экстремизма по сути существует лишь две основных характеристики: форма и содержание. Содержание экстремизма обретает все новые формы, ведь не так важна информация, как то, в каком виде она подается.

Экстремизм в сфере цифровой среды постоянно трансформируется и изменяется под влиянием политических и преступных течений. Достаточно взглянуть на то, как СМИ подают информацию. Сегодня это особенно актуально, ведь восприятие информации тоже важный фактор влияния на человеческий разум. Можно выделить несколько факторов и критериев такого влияния.

Статистика экстремистских действий в сети «Интернет» далеко не утешительная и растет с каждым годом [4]. С 2017 г. по обвинению в пропаганде терроризма и экстремизма в Twitter была приостановлена работа порядка 300 тыс. аккаунтов. Всего с августа 2015 г. Twitter заблокировал 935,9 тыс. страниц, а в социальной сети «ВКонтакте» с 2014 г. было зарегистрировано порядка 90 млн попыток совершения действий экстремисткой направленности. Это цифра огромная, но она поддается объяснению. По мнению И. Ю. Сундиева, через социальные сети легче «обольстить» потенциальную жертву, поскольку там преступник видит всю информацию о «жертве» и может тем самым легко навязать ей свою точку зрения, легко стать «хорошим» в ее глазах, что поможет убедить в правильности и необходимости исполнения преступных действий [5].

Согласно статистике рассматриваемых преступлений за последние 5 лет, четверо из пяти экстремистов имеют возраст до 30 лет. Среди них большое количество несовершеннолетних граждан, их средний возраст составляет от 14 до 18 лет.

Следует сказать, что одна из самых частых мер воздействия на незаконный контент в сети «Интернет» — штраф, реже тюремный срок, но, на наш взгляд, данные методы воздействия не являются эффективными по многим причинам.

Штрафы в основном маленькие, а организаций с большим бюджетом все больше (см. табл. 1)

Штрафы за различные виды экстремистских преступлений

Деятельность	**Статья**	**Санкция**	**Размер штрафа**
Распространение экстремистских материалов	20.29 КоАП РФ	Арест сроком до 15 суток (без иного наказания)	От 1000 до 3000 руб.
Возбуждение ненависти либо вражды, а ровно унижение человеческого достоинства	282 УК РФ	Принудительные работы на срок от 1 до 4 лет/ Лишение свободы сроком от 2 до 5 лет	300–500 тыс. руб.

Таблица 1

Российская социальная сеть «ВКонтакте», по заявлениям ее пресс-службы, активно сотрудничает с органами внутренних дел в плане удаления экстремистских материалов, поиска пропавших без вести людей и прочим направлениям, но, несмотря на это, соцсеть изобилует группами, которыми ведется открытая пропаганда религиозного экстремизма и фундаментализма, группами, размещающими материалы, которые можно причислить к политическому экстремизму, например, выступающими за нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Подобные публикуемые в сети материалы обычно не признаются экстремистскими в ходе экспертиз либо о них не становится вовремя известно органам внутренних дел.

Зарубежные социальные сети вообще находятся вне поля российского законодательства, поэтому фактически они являются открытой площадкой для публикации материалов экстремистской направленности. Однако следует отметить, что и российская аудитория этих сетей гораздо меньше аудитории российских социальных сетей, поэтому пропаганда в них не особо эффективна в отношении граждан России [6].

В марте 2013 г. Председатель Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи А. Митрофанов заявил, что принципы борьбы с экстремизмом в сети «Интернет» и вне ее будут предельно одинаковыми, , будет выдержан один и тот же подход и должны применяться одни и те же наказания.

Как мы видим, на данный момент эти слова очень разнятся с происходящей ситуацией. На наш взгляд, в современных условиях самым

действенным видится блокировка ресурсов, хотя это не самый лучший выход, что доказало недавнее признание экстремистской на территории Российской Федерации социальной сети «Instagram». Некоторые россияне скачивают VPN и продолжают им пользоваться, блокировка доменов и вычисление ip адресов тоже нельзя назвать панацеей, ведь сегодня домен стоит 1 доллар США, а на его блокировку уходят месяцы, сменять же его раз в несколько месяцев для целой организации не представляется затруднительным.

Люди, занимающиеся экстремистской деятельностью, становятся все моложе, количество преступлений растет с каждым днем, а самой жесткой мерой для основного числа экстремистов является сегодня штраф, что, по нашему мнению, является неэффективной мерой наказания для такого рода преступлений.

Для того чтобы борьба с экстремизмом в цифровой среде была более эффективной, представляется необходимым внесение ряда поправок и нововведений:

1. Следует закрепить в ст. 280 УК РФ и в ФЗ об экстремизме четко сформулированное понятие экстремизма. На наш взгляд, экстремизм — это прямое воздействие на психику человека, его мировоззрение и убеждения с целью навязывания своих взглядов как истинно и единственно верных для достижения преступных целей любым возможным способом. Подчеркнем, что именно достижение целей своей деятельности любым способом представляет опасность экстремистской деятельности, и именно поэтому с ней так важно бороться.
2. Требуется уделить особое внимание профилактическим действиям.
3. Необходимо ужесточить наказание за данное преступление, стоит увеличить сумму штрафа и реальный срок лишения свободы.
4. Нужно ввести специальную фильтрацию информации в сети «Интернет», как недавно было сделано на видеохостинге

«YouTube», где на площадку под видом полезных видеоуроков по гимнастике попадали ролики эротического содержания. Проблема быстро была устранена путем введения фильтров, которые блокируют контент. В Яндексе фильтрационные ресурсы лишь предупреждают о наличии запрещенной информации на странице, но не блокируют ее.

5. Следует реформировать пользование социальными сетями, где ввести новый способ верификации хотя бы путем подтверждения личности не только через номер телефона или почту, а через строгие фильтры, что обезопасит обычных пользователей от «фейковых» страниц в сети «Интернет», принадлежащих экстремистам.

Список литературы:

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 14.05.2022).

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изм. от 10 января 2016 года) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

3. Никанов А. В. Проблемы уголовной ответственности за информационный экстремизм // Молодой ученый. 2018. № 46 (232). С. 173–177.

4. Салахутдинов А. А. Социальные сети как информационный канал экстремистского материала // Молодой ученый. 2014. № 17 (76). С. 561–564.

5. Сундиев И. Ю. Трансформация роли политического и религиозного экстремизма в условиях развертывания глобального кризиса //Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н. З. Дибирова, М. Я. Яхьяева, А. М. Муртазалиева, К. М. Ханбабаева. Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 384.

6. Федеральный список экстремистских материалов // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: http://minjust.ru/extremist-materials (дата обращения: 14.05.2022).

References:

1. On counteracting extremist activity: Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-37867/ (access date: May 14, 2022).

2. On information, information technologies and information protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3448.

3. Nikanov A. V. Problems of criminal liability for information extremism // Young scientist. 2018. No. 46 (232). Pp. 173–177.

4. Salakhutdinov A. A. Social networks as an information channel of extremist material // Young scientist. 2014. No. 17 (76). Pp. 561–564.

5. Sundiev I. Yu. Transformation of the role of political and religious extremism in the context of the unfolding global crisis // Actual problems of countering national and political extremism: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 volumes / Ed. A.-N. Z. Dibirova, M. Ya. Yahyaeva, A. M. Murtazalieva, K. M. Khanbabaeva. Makhachkala: Lotos Publishing House, 2008. Vol. 1. P. 384.

6. Federal list of extremist materials // Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: http://minjust.ru/extremist-materials (access date: May 14, 2022).

УДК/UDC 343.301

Полномочия органов прокуратуры Российской Федерации в сфере борьбы с экстремизмом

Соколова Дарья Олеговна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: sokolovadaria1531@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению полномочий органов прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» предоставляет прокурорам дополнительные полномочия, среди которых: вынесение предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности; обращение Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в суд с заявлением о прекращении деятельности СМИ, осуществляющего экстремистскую деятельность. Помимо этого, сотрудники прокуратуры наделены полномочием возбуждать дела об административных правонарушениях. Анализ статистики свидетельствует о тенденции увеличения количества правонарушений экстремистской направленности. В связи с этим автор предлагает изменить сроки давности привлечения к административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности, а также расширить полномочия прокуроров субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: органы прокуратуры, полномочия, экстремизм, противодействие, предупреждение, сроки давности привлечения к ответственности, возбуждение дел об административных правонарушениях.

Powers of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of combating extremism

Sokolova Darya Olegovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: sokolovadaria1531@gmail.com

Abstract

This article is devoted to the consideration of the powers of the prosecutor's office of the Russian Federation in the field of countering extremism. The federal law "On Counteracting Extremist Activity" grants prosecutors additional powers, including: issuing a warning about the inadmissibility of carrying out extremist activity; an appeal by the Prosecutor General of the Russian Federation or a prosecutor subordinate to him to the court with a statement on the termination of the activities of a media outlet carrying out extremist activities. In addition, prosecutors have the power to initiate cases of administrative offenses. An analysis of statistics indicates a trend towards an increase in the number of extremist offenses. In this regard, the author proposes to change the statute of limitations for bringing to administrative responsibility for extremist offenses, as well as to expand the powers of prosecutors of the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: prosecutor's offices, powers, extremism, counteraction, prevention, limitation periods for prosecution, initiation of cases of administrative offenses.

Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344-ФЗ утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (далее по тексту — Стратегия). В Стратегии отмечается, что экстремизм — один из основных источников угроз национальной безопасности, поскольку он направлен на подрыв территориальной целостности Российской Федерации, а также на дестабилизацию социальной обстановки в стране [1].

Согласно официальной статистике, в 2021 г. количество преступлений экстремистской направленности значительно увеличилось по сравнению с 2020 г. Статистика МВД России утверждает, что число случаев экстремизма увеличилось более чем на 30% по сравнению с прошлым годом — 854 эпизода [2].

Можно выделить два основных направления деятельности сотрудников прокуратуры по противодействию экстремизму: участие прокурора в судебном заседании на стороне обвинения (государственный обвинитель) и прокурорский надзор. В сфере борьбы с экстремизмом прокуратура активно осуществляет деятельность в обоих направлениях.

Общие полномочия прокурора изложены в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3]. В ст. 3 данного Федерального закона сказано, что полномочия прокуроров могут определяться и иными федеральными законами, например, Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4]. Так, ст. 6, 7, 8, 11 вышеназванного Федерального закона закреплены полномочия органов прокуратуры в сфере борьбы с экстремизмом. В число таких полномочий включены: объявление предостережения и вынесение предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, обращение в суд с заявлением о прекращении деятельности средства массовой информации при осуществлении им экстремистской деятельности.

Удивительно то, что в ст. 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», посвященной организационным основам противодействия экстремистской деятельности, прямого указания на то, что органы прокуратуры входят в данную систему, не содержится. Закрепление полномочий органов прокуратуры по борьбе с экстремизмом в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» не позволяет поставить под сомнение тот факт, что прокуратура принимает активное участие в борьбе с экстремизмом.

Как уже было отмечено выше, помимо основных полномочий, которые закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре в Российской Федерации», прокурорам также предоставляются дополнительные полномочия. При выявлении фактов, свидетельствующих о наличии в деятельности организаций признаков экстремизма, прокурор вправе вынести предупреждение о недопустимости такой деятельности. Принципиальная разница между предостережением и предупреждением состоит в

следующем: во-первых, если предостережение направляется руководителю такой организации или другим лицам, то предупреждение выносится в отношении организации или объединения; во-вторых, условие для объявления предостережения — подготовительная стадия противоправного деяния, для вынесения предупреждения — наличие признаков экстремизма.

Включение экстремизма в число уголовно-противоправных деяний обусловлено тем, что он представляет собой крайне общественно опасное явление.

Ст. 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ) прокурору предоставлена возможность возбуждать дела об административных правонарушениях по некоторым составам правонарушений. Возбуждение дел об административных правонарушениях, связанных с производством и распространением экстремистских материалов, является исключительной компетенцией прокуроров [5]. Например, прокурор вправе возбуждать дело по статье 20.29 КоАП РФ.

Возбуждение производства по делам об административных правонарушениях прокурорами — один из наиболее эффективных способов противодействия экстремизму. Преобладающее количество дел об административных нарушениях данной категории возбуждено именно по инициативе сотрудников прокуратуры.

Приведем пример из судебной практики. Центральным районным судом г. Кемерово было рассмотрено постановление прокурора о возбуждении производства по делу об административном правонарушении по ст. 20.29 КоАП в отношении М. По результатам осмотра выявлено, что в социальной сети «ВКонтакте» пользователем М. в разделе «Аудиозаписи» размещены аудиоматериалы под названием «», признанные экстремистскими решением Юргинского городского суда Кемеровской области. Гражданин М. вину в совершении правонарушения признал полностью. М. было назначено наказание — штраф в размере 1 000 рублей [6].

В соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности в случае, когда дело рассматривается судьей, составляет 3 месяца со дня совершения правонарушения [7]. Распространение экстремистских материалов является длящимся правонарушением: имеет некую продолжительность, начало и конец; состав правонарушения формальный, т. е. считается оконченным с момента размещения таких материалов. Срок давности привлечения к ответственности отсчитывается со дня обнаружения правонарушения.

Установление достаточных данных, необходимых для вынесения постановления по делу, порой занимает продолжительное время, в особенности если распространение такой информации происходит с использованием сети «Интернет».

Так, например, Дзержинский районный суд г. Перми постановил прекратить дело об административном правонарушении по ст. 20.29 КоАП РФ в отношении гражданина К. в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности. Суд основывался на том, что с момента обнаружения обстоятельств, которые послужили основанием для возбуждения дела, и до момента рассмотрения дела в суде прошло более 3 месяцев [8].

Считаем необходимым установить специальный срок давности привлечения к административной ответственности по данной категории дел, поскольку такое правонарушение имеет повышенный уровень опасности и не может остаться безнаказанным.

На Министерство юстиции Российской Федерации возложена обязанность по ведению списка экстремистских материалов, но стоит отметить, что большинство материалов, внесенных в данный список, были включены по инициативе сотрудников органов прокуратуры, участвовавших в судебных заседаниях при рассмотрении дел экстремистской направленности.

При возбуждении уголовных дел экстремистской направленности, например, по ст. 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) («Организация экстремистского сообщества») пово-

дом для возбуждения уголовного дела может послужить постановление прокурора о направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании, направленное следователю.

Основными ведомственными актами, регламентирующими деятельность органов прокуратуры в указанной сфере, являются: Приказ Генпрокуратуры России от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» [9] и Указание Генпрокуратуры России от 21 сентября 2018 г. № 602/27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» [10].

Данные акты закрепляют такие полномочия прокуроров, как надзор за законностью правовых актов органов публичной власти в сфере противодействия экстремистской деятельности, взаимодействие с Роскомнадзором, организация в прокуратурах субъектов Российской Федерации реестров сообщений о преступлениях данной категории дел, анализ СМИ на предмет наличия в них экстремистских материалов, инициирование рассмотрения в суде дела о признании материалов экстремистскими.

Так, например, прокурор обратился в Шарьинский районный суд Костромской области с заявлением о признании информации о продаже книги В. Имамова «Запрятанная история татар», содержащейся в сети «Интернет» на страницах продавцов, информацией, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. Суд иск удовлетворил [11].

Генеральный прокурор Российской Федерации наделен правом требовать ограничения доступа к информационным ресурсам, на которых размещена информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности. Его заместитель также наделяется правом предъявлять соответствующее требование в Роскомнадзор. Данный механизм нацелен на то, чтобы в кратчайшие сроки прекратить распространение такой информации, т. к. она содержит призывы к

публичному восстанию общественных масс и несет угрозу подрыва национальной безопасности страны.

Т. е. если сообщение о такой информации поступит в прокуратуру района или субъекта Российской Федерации, то должностным лицам необходимо будет обратиться в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для ограничения доступа. В данном случае механизм оперативного реагирования, который закрепляет данная статья, не может осуществляться в полной мере.

В связи с этим считаем важным расширить круг субъектов, которые могли бы обращаться с соответствующим требованием. В ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» следует наделить данным полномочием также прокурора субъекта Российской Федерации.

Экстремизм продолжает оставаться одной из наиболее опасных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Органы прокуратуры активно ведут деятельность в сфере борьбы с экстремизмом. Для ее осуществления помимо полномочий, закрепленных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», прокурорам также предоставлены дополнительные полномочия, отраженные в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». Однако механизм реализации данных полномочий требует скорейшего совершенствования.

Предложение о необходимости введения специальных сроков давности привлечения к административной ответственности позволило бы не допустить ситуации, когда лицо, совершившее административное правонарушение, остается безнаказанным. Экстремизм характеризуется организованностью: он существует в форме экстремистских сообществ, экстремистских организаций. За одной идеологией стоит целая социальная группа, которую не устраивает существующий политический, социальный строй. Прекращение производства по делу возможно лишь тогда, когда есть фактические данные, позволяющие сделать однозначный вы-

вод о наличии или отсутствии события правонарушения, а также признаков экстремизма в деянии.

Наделение прокурора субъекта Российской Федерации правом требовать ограничения доступа к источникам, содержащим призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, позволило бы не допустить распространение экстремистских материалов, а также способствовало бы оперативному пресечению правонарушений экстремистской направленности.

Список литературы:

1. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: https://base.garant.ru/74194369/ (дата обращения: 13.05.2022).

2. В России на треть увеличилось количество случаев экстремизма // Российская газета. URL: https://rg.ru/2021/10/20/v-rossii-na-tret-uvelichilos-kolichestvo-sluchaev-ekstremizma.html (дата обращения: 13.05.2022).

3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: https://base.garant.ru/10164358/ (дата обращения: 13.05.2022).

4. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения: 13.05.2022).

5. Мариничева А. Ю. К вопросу о понятии и содержании прокурорского противодействия экстремизму // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей / Научные редакторы: О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. Отв. секретарь И. В. Чаднова. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 351–363.

6. Постановление Центрального районного суда г. Кемерово № 5-1232/2017 от 10.10.2017 // URL: https://sud-praktika.ru/precedent/541816.html (дата обращения: 13.05.2022).

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/12125267/ (дата обращения: 13.05.2022).

8. Постановление Дзержинского районного суда г. Перми от 01.08.2017 № 5-348/2017 // URL: https://sud-praktika.ru/precedent/423221.html: :text=Согласно

%20ч.%201%20ст.%204.5,со%20дня%20обнаружения %20административного %20правонарушения (дата обращения: 13.05.2022).

9. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности: приказ Генпрокуратуры России от 21.03.2018 № 156 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_298172/ (дата обращения: 13.05.2022).

10. Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности: Указание Генпрокуратуры России от 21.09.2018 № 602/27 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308551/ (дата обращения: 13.05.2022).

11. Решение № 2А-696/2020 2А-696/2020 М-669/2020 М-669/2020 от 28.09.2020 по делу № 2А-696/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/fXozlow7wblO/ (дата обращения: 13.05.2022).

References:

1. On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025: Decree of the President of the Russian Federation No. 344 dated May 29, 2020 // Garant Information and Legal Portal. URL: https://base.garant.ru/74194369/ (access date: May 13, 2022).

2. In Russia, the number of cases of extremism has increased by a third // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2021/10/20/v-rossii-na-tret-uvelichilos-kolichestvo-sluchaev-ekstremizma.html (access date: May 13, 2022).

3. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 // Information and legal portal "Garant". URL: https://base.garant.ru/10164358/ (access date: May 13, 2022).

4. On counteracting extremist activity: Federal Law No. 114-FZ dated July 25, 2002 // Garant Information and Legal Portal. URL: https://base.garant.ru/12127578/ (access date: May 13, 2022).

5. Marinicheva A. Yu. To the question of the concept and content of the prosecutor's counteraction to extremism // Legal problems of strengthening Russian statehood: Collection of articles / Scientific editors: O. I. Andreeva, T. V. Trubnikov. Rep. secretary I. V. Chadnova. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2019, Pp. 351–363.

6. Decree of the Central District Court of Kemerovo No. 5-1232/2017 of 10/10/2017 // URL: https://sud-praktika.ru/precedent/541816.html (access date: May 13, 2022).

7. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law No. 195-FZ of December 30, 2001 // Information and Legal Portal. URL: https://base.garant.ru/12125267/ (access date: May 13, 2022).

8. Decree of the Dzerzhinsky District Court of Perm dated 08/01/2017 No. 5-348/2017 // URL: https://sud-praktika.ru/precedent/423221.html: :text=Согласно %20ч.%201%20ст.%204.5,со%20дня%20обнаружения %20административного %20правонарушения (access date: May 13, 2022).

9. On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws on countering extremist activity: Order of the Prosecutor General of Russia dated March 21, 2018 No. 156 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_298172/ (access date: May 13, 2022).

10. On strengthening prosecutorial supervision over the implementation of laws in the detection, suppression, disclosure and investigation of extremist crimes: Instruction of the Prosecutor General of Russia dated September 21, 2018 No. 602/27 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308551/ (access date: May 13, 2022).

11. Decision No. 2A-696/2020 2A-696/2020 M-669/2020 M-669/2020 dated September 28, 2020 in case No. 2A-696/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/fXozlow7wblO/ (access date: May 13, 2022).

УДК/UDC 343.9

Противодействие коррупции в России: история и современность

Тельян Мишель Алиевна
студентка юридического факультета
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов
г. Сочи, Россия
e-mail: misheltelyan@yandex.ru

Камкия Фатима Гурамовна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов
г. Сочи, Россия
e-mail:: fatima.kamkiya@mail.ru
SPIN-код: 2705-2485

Аннотация

На сегодняшний день следы преступлений коррупционной направленности можно обнаружить в любой стране. Коррупция вызывает социально-экономический регресс, создает проблемы привлечения инвестиций в реальный сектор экономики, снижает эффективность проводимых государством реформ. С ней боролись и продолжают бороться, но изжить не удалось пока никому. В статье исследованы наиболее эффективные меры противодействия коррупции на основе исторического опыта и различных мнений представителей научной доктрины. Главный вопрос состоит в том, возможно ли понизить уровень коррупции ниже «социально терпимого» и каким образом это можно сделать. На основе результатов исследования сформулированы предложения и даны рекомендации по совершенствованию современного механизма противодействия коррупции в Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция, история, развитие, распространение, общественный контроль, противодействие, государственная власть, антикоррупционное правосознание.

Countering corruption in Russia: history and modernity

Telyan Mishel Aliyevna
student in the master's programme of the Faculty of Law
Sochi Institute (branch) of RUDN University
Sochi, Russia
e-mail: misheltelyan@yandex.ru

Kamkiya Fatima Guramovna
Candidate of Law, assistant professor, head of the Department of Theory and History of State and Law
Sochi Institute (branch) of RUDN University
Sochi, Russia
e-mail: fatima.kamkiya@mail.ru
SPIN Code: 2705-2485

Abstract

Today, traces of corruption-related crimes can be found in any country. Corruption causes socio-economic regression, creates problems in attracting investment in the real sector of the economy, and reduces the effectiveness of reforms carried out by the state. They fought and continue to fight with it, but so far no one has managed to get rid of it. The article explores the most effective anti-corruption measures based on historical experience and various opinions of representatives of scientific doctrine. The main question is whether it is possible to reduce the level of corruption below "socially tolerable"and how this can be done. Based on the results of the study, proposals are formulated and recommendations are given for improving the modern mechanism for combating corruption in the Russian Federation.

Key words: corruption, history, development, dissemination, public control, counteraction, state power, anti-corruption legal awareness

На сегодняшний день следы преступлений коррупционной направленности можно обнаружить в любой стране, и Россия не является исключением. Так, по данным официального портала правовой статисти-

ки Генеральной прокуратуры Российской Федерации, зарегистрировано преступлений коррупционной направленности:

1) по ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) (получение взятки): в 2017 г. — 3188 случаев; в 2021 г. — 5020 случаев; в марте 2022 г. — 2084 случаев;
2) по ст. 291 УК РФ (дача взятки): в 2017 г. — 2272 случаев; в 2021 г. — 4499 случаев; в марте 2022 г. — 1512 случаев;
3) по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями): в 2017 г. — 1678 случаев; в 2021 г. — 1708 случаев; в марте 2022 г. — 405 случаев [1].

Лидирующие позиции занимают Республика Татарстан, г. Москва и Подмосковье. В течение последних пяти лет (с 2017 г. по 2021 г.) российская коррупционная преступность характеризуется относительной стабильностью. Однако в связи с усилением в 2022 г. государственной поддержки экономики России возможен рост незаконного освоения бюджетных денег. Коррупция до сих пор остается ахиллесовой пятой России, поэтому исследования в данном направлении обусловлены объективной необходимостью.

25 апреля 2022 г. Президент России Владимир Путин подписал указ № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции “Посейдон” и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [2]. Согласно проекту новая система предназначена для оказания информационной поддержки органам и организациям, которые занимаются антикоррупционной профилактикой. Однако насколько данная система окажется эффективной, будет известно только через какое-то время.

В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой коррупция трактуется как моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами [3].

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» трактует коррупционное деяние как непосредственное

злоупотребление должностным лицом своими полномочиями в личных целях или в интересах других лиц [4].

Таким образом, коррупциогенные правонарушения — это те нарушения, которые в большей степени относятся к сфере прохождения государственной и муниципальной службы. Несоблюдение ограничений и запретов должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления наносит большой вред общественным и государственным интересам.

В 1854 г. экономист Г. Г. Госсен опубликовал теорию о том, что стремление к получению максимальной полезности — это основной мотив, определяющий поведение человека.

Многие ученые выделяют отдельные мотивации: завистливость, корыстолюбие, эгоцентризм, чувство превосходства, навязчивое желание обогатиться, авантюризм и т. д. В своем сочетании они способствуют формированию девиантного экономического поведения личности (группы людей) [5]. Некоторые ученые рассматривают коррупцию как последствие девиантного экономического поведения. Исходя из этого, важным элементом противодействия коррупции является правильная социальная установка, которая не позволит рассматривать противоправное поведение как норму.

Меры по противодействию коррупции разрабатывались и принимались задолго до появления современного термина «коррупция». В IX в. в Древнерусском государстве действовала система «кормления» (первое легальное проявление коррупции), санкционированная государственной властью и содержащая должностных лиц за счет местного населения [6]. За любое обращение к сановному лицу, как правило, необходимо было чем-либо отплатить.

В XV в. коррупция в России стала приобретать постоянность и системность. Мздоимство, лихоимство, посулы и многое другое активно процветали.

В рамках проведения земской реформы 1555–1556 гг. был издан Царский Указ 1555 г. об отмене кормлений. Новшество данной реформы

заключалось в преобразовании сборов по содержанию кормленщиков в кормленый окуп (налог), вносящийся в казну. Однако коррупционеров это также не останавливало. Несмотря на то, что назначенную за лихоимство порку заменили смертной казнью, положительного эффекта это не принесло.

В 1648 г. ситуация крайне обострилась из-за того, что людей стали сажать в тюрьму по ложным обвинениям (без взятки не освобождали), а жалованье служилых присваивали третьи лица. Произвол чиновников привел к Соляному бунту, во время которого некоторых из правонарушителей безжалостно отдали на растерзание народу.

Соборное уложение 1649 г. отразило новые виды преступлений: утайку пошлин, подлоги, притеснение людей, вымогательство.

С 1715 г. любая взятка считалась преступлением в связи с фиксацией официальной зарплаты. Петром I была введена равная уголовная ответственность, действовала смертная казнь, тогда же и начал свое формирование институт прокуратуры.

В 1845 г. в России началось радикальное сопротивление коррупции. При Николае I для борьбы с казнокрадством были впервые введены ревизии, которые проводились на всех уровнях (госучреждения, губернии, армия и т. д.). Особенно обращали внимание на преступления, связанные с хищением государственной собственности.

Стоит обратить внимание на то, что если до 1845 г. с коррупцией боролись в основном за счет ужесточения наказаний, то последующие публичные обсуждения случаев коррупции, а также опубликование информации в газетах стало началом формирования у людей антикоррупционного сознания.

Уже при Александре II новой мерой противодействия коррупции оказалась система публикации имущественного положения чиновников и их жен. Свободный доступ к этим сведениям определял каждого чиновника как бы под стеклянный колпак, сквозь который можно было наблюдать за его действиями. По опубликованному списку любой мог сравнить декларацию с реальными сведениями [7]. Таким образом ста-

рались пресечь риск получения взятки должностным лицом через жену и детей, а также под предлогом какой-либо мнимо законной и благовидной сделки.

Александр III в 1884 г. принял закон о запрете на совместительство: государственный служащий не мог заниматься коммерческой деятельностью. Закон также распространялся на родственников государственных служащих и различных фаворитов императора.

При Николае II в 1903 г. вступило в силу Уголовное уложение, в котором разделялись понятия «взяточничества» и «лихоимства». Согласно закону предусматривалась ответственность за дачу взятки, за склонение или попытку склонения служащего к совершению преступления. В качестве наказания за взяточничество предусматривалась конфискация дара или его стоимости. По мнению историков, принятие новой нормы мало повлияло на ситуацию с коррупцией, но тормозило ее развитие.

Самыми коррупционными областями считались те, которые требуют значительного вливания государственных средств (армия, флот и железнодорожная служба), поэтому закон 1916 г. значительно ужесточил наказание за коррупцию в этих сферах, применялась принудительная национализация и милитаризация хозяйства.

С начала XX в. в России по мере роста числа чиновников росли случаи взяточничества и купля-продажа должностей. Основные пути противодействия коррупции того времени: сотрудничество граждан по выявлению коррупции; уголовная ответственность виновных; равное наказание для всех субъектов правонарушения; публикация информации о фактах коррупции [8]. Уголовный кодекс 1922 г. за взяточничество предусматривал расстрел.

Известный российский историк И. В. Говоров на основе анализа ленинградских архивов послевоенного периода считает, что массовая форма коррупции в 1945–1953 гг. проявлялась в «самоснабжении», т. е. получении дополнительной льготы и привилегии, которые не соответствовали статусу представителя «номенклатуры» [9]. Выявлялись массовые

факты злоупотребления со стороны руководства предприятий и учреждений.

По оценке другого исследователя О. В. Хлевнюка, который является автором биографии И. В. Сталина «Жизнь одного вождя», в то время руководством не оказывалось серьезного сопротивления коррупции [10]. Итог: несмотря на то, что в 1940–1950-е гг. граждане активно писали жалобы во все инстанции и средства массовой информации, это слабо тормозило развитие коррупции [11]. До начала 1980-х гг. тема коррупции открыто не обсуждалась на государственном уровне [12]. Только в 1990 и 1991 гг. выпустили первые статистические сборники «Преступность и правонарушения в СССР» со статистикой от 1961 г.

В Российской Федерации первый статистический сборник «Преступность и правонарушения» вышел в 1992 г. Появилась возможность исследовать проблему, наблюдая за динамикой и ссылаясь на предоставленную государством информацию. Согласно данному статистическому сборнику, в 1980 г. удельный вес преступлений коррупционной направленности не превышал 0,6% [13]. В период с 1990 до 2009 гг. наблюдался рост взяточничества: 1990 г. — 2691 случай; 1999 г. — 6872 случай; 2009 — 13141 случай [14]. Приблизительно в то же время нарастал дефицит товаров, из-за чего коррупция активно проникала в систему торговли. Значительный рост коррупционных преступлений регистрировался с 1988 по 2006 гг. [15].

Безусловно, каждый период истории России имеет свою специфику, и современный комплекс мер противодействия коррупции учитывает пройденный исторический опыт. Однако для совершенствования законодательства по данному направлению необходимо выявить существующие пробелы и упущения, не позволяющие достигнуть прогресса. При этом стоит обратить внимание, что назначение даже самого жестокого наказания не является гарантией искоренения коррупции.

Коррупция осуществляется либо в виде сделки, либо в одностороннем порядке. Она может воплощаться в форме лоббизма, блата, фаворитизма, непотизма, реципрокности и многого другого [16]. Корруп-

ция подразделяется на государственную (верхушечную), политическую, коммерческую (деловую) и бытовую (низовую) [17]. Возможны и другие классификации, т. к. коррупция — это явление многофакторное и многогранное. Соответственно, необходимо акцентировать внимание на изучении коррупционных схем по отдельности, а также обеспечить опубликование этих данных в целях прозрачности и в какой-то мере поучительности.

Профессор П. Н. Кобец считает, что «понимание коррупционных рисков, схем и потенциальных правовых последствий в сфере предпринимательской деятельности является необходимым условием для эффективной оценки таких рисков» [18]. С этим трудно не согласиться, но кажется важным расширить данную мысль: если субъект любой сферы деятельности сможет определять уровень своей подверженности коррупционному риску, тогда он сможет самостоятельно оценивать потенциальную опасность, научится ее избегать и предотвращать.

Как уже упоминалось выше, коррупцию можно рассматривать как следствие девиантного экономического поведения. Но, согласно исследованию С. В. Егорышева, Е. А. Егорышевой, в общественном сознании сложилось терпимое, часто безразличное и даже оценочно-неопределенное отношение к коррупции [19].

Выделим две причины коррупциогенного поведения:

1) вынужденное действие субъекта,
2) желание субъекта следовать легкому пути (легкой наживы).

Исходя из проведенного исследования, факторами, которые снизят уровень коррупционных правонарушений, будут выступать:

1) устойчивое гражданское общество с антикоррупционным правосознанием;
2) укрепление институтов общественного контроля за властью, в т. ч. наличие свободных и независимых платформ для обсуждения проблем, доступность и прозрачность информации на отдельных сайтах, в социальных сетях, радио, телевидении и т. д.;

3) наличие эффективного механизма подотчетности (банковского, налогового и т. д.).

По нашему мнению, стоит начать с усиленного укрепления антикоррупционного правосознания граждан. Необходимо сформировать устойчивое убеждение в высокой значимости права как основного социального регулятора. Важную роль играют правовое просвещение и формирование основ правовой культуры, в т. ч. в сфере антикоррупционного законодательства.

Поступки детей до определенного возраста лишены всякой экономической направленности, поэтому работа над антикоррупционным правосознанием должна начинаться со школы [20]. Преподаватели истории и обществознания вполне могут взять на себя задачу по формированию у детей четкого социального сознания и понимания, что человек, который берет или дает взятки, совершает серьезное правонарушение и причиняет непоправимый ущерб личности, обществу, государству.

В ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [21] описаны основы правового информирования и правового просвещение населения. Представляется необходимым дополнить еще одним пунктом ч. 1 ст. 28 с формулировкой: «действующие ссылки на реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия». В таком случае размещаться данная информация будет не только на официальном сайте федеральной государственной информационной системы в области государственной службы, но и на официальных сайтах других государственных органов.

На официальном сайте Общественного комитета по контролю за делами коррупционной направленности и реализации программы Президента Российской Федерации, которая является негосударственной и независимой платформой, дана информация о развитии системы общественного контроля в Российской Федерации. На этом сайте имеется специальная кнопка-приглашение о вступлении в данную организацию. Считаем, что данная информация должна быть также размещена на всех сайтах государственных органов. Это будет указывать на единство це-

лей государства и общества, повысит уровень доверия граждан к государству, укрепит институт общественного контроля за властью. Как выразился полномочный представитель Правительства Российской Федерации М. Ю. Барщевский: «Для общественных организаций появится новая сверхзадача: отслеживать бюджетные деньги» [22].

Общественное мнение формируется из широко распространенной информации. Телевидение и информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» являются главными источниками. По нашему мнению, создание специальной платформы для обсуждения людьми обнародованных государством преступлений положительно скажется на развитии антикоррупционного правосознания и на повышении уровня правовой культуры.

Многие российские министерства и ведомства имеют странички в социальных сетях (например, МВД, МЧС, МИД, Россотрудничество, Минздрав, Минкультуры и т. д.), где публикуется различная информация, а под ней размещены комментарии и обсуждения людей. Таким образом, обеспечивается обратная связь и учитывается мнение граждан.

Новая российская соцсеть ЯRUS вполне подходит для этих целей. Например, специализированный на противодействии коррупции государственный орган совместно с общественной организацией по контролю за коррупцией сформируют отдельную страницу в соцсети, направленную на опубликование информации о противодействии, предупреждении и профилактики коррупции (в т. ч. ссылки: на реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия; на страницы общественных организаций по противодействию коррупции; на информацию о нововведениях в законодательстве; на информацию о возможных коррупционных схемах и рисках и т. д.). На странице можно создать разделы, соответствующие субъектам Российской Федерации. Люди смогут получать данные по интересующей их территории Российской Федерации, а также обсуждать это в комментариях. Возможно, многие захотят поделиться своим опытом или знанием о способах противодействия коррупции. Такое общение позволит вовлечь людей в активное противостояние коррупции и повы-

сит уровень доверия к государству. Это также укрепит понимание того, что против коррупции выступает не только государственная власть, но и сам народ. Воплощение идеи о развитии таких открытых и в какой-то мере подконтрольных государству платформ помогло бы решить массу других проблем. Народ и государство должны быть едины и органично взаимодействовать, учитывать опыт и пройденные ошибки, вместе преодолевать любые проблемы.

С учетом того, что дача взятки является одним из проявлений коррупции, отдельно выделим ответственность физических лиц за коррупционные правонарушения. Представляется необходимым дополнить ч. 2 ст. 13 Федерального закона «О противодействии коррупции» следующей формулировкой: «Физическое лицо, совершившее коррупционное правонарушение, по решению суда может быть лишено в соответствии с законодательством Российской Федерации права занимать определенные должности государственной и муниципальной службы, в течение 10 лет занимать руководящие должности, заниматься профессией, требующей управленческих навыков».

Данная мера исключит желание у любого физического лица заниматься коррупцией, ведь на кону будет не лишение свободы и не штраф, а лишение права на карьерный рост и продвижение в будущем, хоть и на определенный срок. Было бы полезно создать закрытый перечень профессий, требующих управленческих навыков. Ссылаясь на него, можно было бы точно определить, о каких профессиях идет речь.

В трудовой стаж включаются периоды работы и другой общественно полезной деятельности, засчитываемые в страховой стаж, необходимый для получения трудовой пенсии (ст. 20 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации») [23]. Можно дополнить меру наказания для коррупционеров формулировкой: «По решению суда привлеченное физическое лицо за коррупционные правонарушения подлежит наказанию в виде сокращения трудового стажа на срок, который устанавливает суд с учетом обстоятельств дела».

Таким образом, можно утверждать, что понизить уровень коррупции ниже «социально терпимого» возможно посредством совершенствования законодательства, развития институтов общественного контроля и укрепления антикоррупционного правосознания граждан.

Список литературы:

1. Динамика показателей преступности России // Официальный портал правовой статистики Генеральная прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_-chart (дата обращения: 09.05.2022).

2. О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1540861/ (дата обращения: 09.05.2022).

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: словарь / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с. С. 536.

4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

5. Максимцев И. А., Локшина Э. Х., Бахрах О. А. Экономическое поведение и коррупция // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 24-32.

6. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность: монография. М.: Экономика, 2011. 301 с. С. 88.

7. Коннова П. И. Основы построения механизма противодействия коррупции в современной России. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2016. 160 с. С. 17.

8. Касьянов В. С. Коррупция и борьба с ней в советской России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4. С. 16–25.

9. Говоров И. В. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // НИР. 2011. № 1. С. 66–81.

10. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ: Corpus, cop. 2015. 461 с.

11. Тепляков А. Г. О коррупции в органах НКГБ-МГБ СССР 1940-1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сборник статей к 60-летию профессора С. А. Красильникова / Новосибирский государственный университет. Новосибирск: Сова, 2009. С. 205–221.

12. Векленко С. В., Соколов А. Н. Противодействие коррупции: чему учит опыт истории // Философия права. 2013. № 3 (58). С. 81–90.

13. Преступность и правонарушения в СССР / М-во внутр. дел СССР и др. Стат. сб. М., 1990–1991. 128 с. С. 74.

14. Преступность и правонарушения в СССР / М-во внутр. дел СССР и др. Стат. сб. М., 2016. 128 с. С. 83–84.

15. Долгова А. И. Преступность, криминология, криминологическая защита / Российская криминологическая ассоциация, Научно-исследовательский ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, Владимирский юридический ин-т М-ва юстиции Российской Федерации; [А. И. Долгова (отв. ред.) и др.]. М.: Российская криминологическая ассоц., 2007.367 с. С.355–356.

16. Миронова А. А., Татарко А. Н. Психологические причины коррупции: роль тревоги // Экономическая социология. 2021. № 1. С. 11–28.

17. Кабанов П. А. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков: монография / П. А. Кабанов, Г. И. Райков, Д. К. Чирков; П. А. Кабанов, Г. И. Райков, Д. К. Чирков. М.: Дружба народов, 2008. 223 с. С. 18.

18. Кобец П. Н. Правила борьбы с коррупцией как один из важнейших современных способов противодействия коррупции, осуществляемый международными организациями // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: Материалы X Международной научно-практической конференции, Тамбов, 16–17 апреля 2021 года / Редколлегия: Э. Ю. Кузьменко, М. И. Кольцов, Е. А. Попова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 409–417.

19. Егорышев С. В., Егорышева Е. А. Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 2. С. 253–264.

20. Деулин Д. В. Экономическая акцентуация личности как проблема формирования корыстной мотивации преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 274–280.

21. Барщевский считает, что из-за господдержки экономики возрастет коррупция // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20220407/korruptsiya-1782311244.html (дата обращения: 09.05.2022).

22. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039 (дата обращения: 09.05.2022).

23. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/ (дата обращения: 09.05.2022).

References:

1. Dynamics of crime rates in Russia // Official portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_-chart (access date: May 09, 2022).

2. On the state information system in the field of combating corruption "Poseidon"and amendments to some acts of the President of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2022 No. 232 // Information and legal portal "Garant". URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1540861/ (access date: May 09, 2022).

3. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions: dictionary / S. I. Ozhegov; ed. prof. L. I. Skvortsova. 28th ed., revised. M.: Mir i Obrazovanie, 2019. 1376 p. P. 536.

4. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ (as amended on April 1, 2022) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 29.12.2008. No. 52 (part 1). Art. 6228.

5. Maksimtsev I. A., Lokshina E. Kh., Bahrakh O. A. Economic behavior and corruption // Psychology in economics and management. 2010. No. 2. Pp. 24–32.

6. Andrianov V. D. Corruption as a global problem: history and modernity: monograph. M.: Economics, 2011. 301 p. P. 88.

7. Konnova P. I. Fundamentals of building a mechanism for combating corruption in modern Russia. N. Novgorod: NRU RANEPA, 2016. 160 p. P. 17.

8. Kasyanov V. S. Corruption and the fight against it in Soviet Russia // State and municipal management. Scientific notes. 2014. No. 4. Pp. 16–25.

9. Govorov I. V. Corruption in the conditions of post-war Stalinism (on the materials of Leningrad and the Leningrad region) // NIR. 2011. No. 1. Pp. 66–81.

10. Khlevnyuk O. V. Stalin. The life of one leader: a biography. Moscow: AST: Corpus, cop. 2015. 461 p.

11. Teplyakov A. G. On corruption in the bodies of the NKGB-MGB of the USSR in the 1940s-1950s. // Society. Intelligentsia. Repressions: Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of Professor S. A. Krasilnikova / Novosibirsk State University. Novosibirsk: Sova, 2009. Pp. 205–221.

12. Veklenko S. V., Sokolov A. N. Countering corruption: what history teaches // Philosophy of Law. 2013. No. 3 (58). Pp. 81–90.

13. Crime and offenses in the USSR / M-in ext. cases of the USSR, etc. Stat. Sat. M., 1990–1991. 128 p. P. 74.

14. Crime and offenses in the USSR / M-in ext. cases of the USSR, etc. Stat. Sat. M., 2016. 128 p. Pp. 83–84.

15. Dolgova A. I. Crime, criminology, criminological protection / Russian Criminological Association, Scientific Research Institute of Problems of Strengthening Law and Order under the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladimir Legal Institute of the Ministry of Justice of the Russian Federation; [A. I. Dolgov (responsible editor) and others]. Moscow: Russian Criminological Associate, 2007.367 p. Pp. 355–356.

16. Mironova A. A., Tatarko A. N. Psychological causes of corruption: the role of anxiety // Economic sociology. 2021. No. 1. Pp. 11–28.

17. Kabanov P. A. Political corruption in the conditions of reforming Russian statehood at the turn of the century: monograph / P. A. Kabanov, G. I. Raikov, D. K. Chirkov; P. A. Kabanov, G. I. Raikov, D. K. Chirkov. M.: Friendship of peoples, 2008. 223 p. P. 18.

18. Kobets P. N. Rules for the fight against corruption as one of the most important modern methods of combating corruption carried out by international organizations // Actual problems of criminal law, criminology, criminal procedure and penal law: theory and practice: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Tambov, 16–17 April 2021 / Editorial Board: E. Yu. Kuzmenko, M. I. Koltsov, E. A. Popov. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2021. Pp. 409–417.

19. Egoryshev S. V., Egorysheva E. A. Corruption: institutional features, social determinants and consequences // Vestnik RUDN University. Series: Sociology. 2021. No. 2. Pp. 253–264.

20. Deulin D. V. Economic accentuation of personality as a problem of formation of mercenary motivation of crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 6. Pp. 274–280.

21. Barshchevsky believes that corruption will increase due to state support of the economy // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20220407/korruptsiya-1782311244.html (date of access: 09.05.2022).

22. On free legal aid in the Russian Federation: Federal Law No. 324-FZ dated November 21, 2011 // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039 ((access date: May 09, 2022).

23. On state pension provision in the Russian Federation: Federal Law of December 15, 2001 No. 166-FZ // SPS Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/ (access date: May 09, 2022).

УДК/UDC 343.352.4

Общественный контроль как инструмент противодействия коррупции

Федонькин Юрий Николаевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: Uriq_Fedonkin5@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрен институт общественного контроля как эффективный способ участия граждан в борьбе с преступлениями, имеющими коррупционный характер. Исследуются положения Конституции Российской Федерации, а также нормативно-правовых актов, касающихся мер противодействия коррупции, в частности Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Проанализирована правовая природа общественного контроля, представляющая собой возможность для пассионарных граждан принять участие в управлении делами государства. Изучены пробелы в действующем законодательстве, осуществляющем правовое регулирование общественного контроля, как в общей части, так и в специальной, посвященной осуществлению общественного контроля в сфере противодействия коррупции. Предложены эффективные способы преодоления существующих проблем общественного контроля в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова: граждане, общество, общественный контроль, коррупция, правоохранительные органы.

Public control as a tool to combat corruption

Fedonkin Yuriy Nikolayevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: Uriq_Fedonkin5@mail.ru

Abstract

This article considers the institution of public control as an effective way for citizens to participate in the fight against crimes of a corrupt nature. The provisions of the Constitution of the Russian Federation, as well as legal acts relating to anti-corruption measures, in particular the Federal Law "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation are being studied. The legal nature of public control is analyzed, which is an opportunity for passionate citizens to take part in managing the affairs of the state. The gaps in the current legislation that implements the legal regulation of public control, both in the general part and in the special one, dedicated to the implementation of public control in the field of combating corruption, are studied. Effective ways to overcome the existing problems of public control in the field of combating corruption are proposed.

Key words: citizens, society, public control, corruption, law enforcement agencies.

Согласно положениям ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации единственным источником власти в стране и носителем государственного суверенитета является ее многонациональный народ, осуществляющий свою власть как непосредственным образом (через процедуры проведения референдумов и свободных выборов), так и опосредованно (через активную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления) [1]. Реализация данных основополагающих конституционных принципов народовластия и принятия гражданами участия в управлении делами государства нуждается в системе эффективных юридических гарантий, важнейшим из которых является наличие развитого гражданского общества, осуществляющего свою деятельность посредством института общественного контроля.

Данный институт гражданского общества — сравнительно молодое явление в российском законодательстве. Его институционализация и развитие в современной правовой системе России осуществлялись путем принятия ряда федеральных законов, в частности Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» [2], Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах прину-

дительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [3], Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [4]. И хотя данный институт гражданского общества имеет более чем полувековую историю в лице института народного контроля в СССР, он принципиально отличается от последнего и требует дальнейшего развития и совершенствования законодательства, его регулирующего.

Общественный контроль согласно ч. 1 ст. 18 Федерального закона «Об основах общественного контроля» может осуществляться в нескольких формах, а именно: общественный мониторинг, общественная экспертиза и общественная проверка. При этом данный перечень не является исчерпывающим, т. к. законодатель прямо указывает, что общественный контроль может также осуществляться и в различных формах взаимодействия государственных органов и гражданского общества, например в форме общественного обсуждения и слушания. Важно отметить, что осуществление общественного контроля возможно одновременно в нескольких формах.

Организация и функционирование института общественного контроля в России сталкивается с рядом многочисленных проблем, препятствующих гражданам осуществлять свое законное право на участие в делах управления государством. На наш взгляд, можно выделить следующую ключевую проблему института общественного контроля — отсутствие четкого понятия объекта общественного контроля, а также исчерпывающего перечня объектов общественного контроля.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» не дает определения понятию объекта общественного контроля и не закрепляет исчерпывающего перечня данных объектов. При этом детальный анализ положений ст. 1 и 2 вышеназванного федерального закона показал, что в качестве объектов общественного контроля могут выступать как сами органы государственной власти и местного самоуправления, так и их непосредственная деятельность [4].

Анализ федерального законодательства в области общественного контроля показал отсутствие полноценной правовой базы организации и осуществления общественного контроля в области противодействия коррупции.

Во-первых, Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» не закрепляет для граждан возможность осуществления общественного контроля в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации. Положения ч. 2 ст. 2 вышеназванного федерального закона прямо указывают, что общественный контроль может осуществляться за деятельностью в области общественной безопасности и правопорядка, а также за деятельностью полиции, органов следствия, прокуратуры и судов. По нашему мнению, для возможности осуществления общественного контроля в указанных сферах необходимо принятие отдельных специальных федеральных законов, посвященных каждому правоохранительному органу в отдельности. На сегодняшний день подобные федеральные законы не приняты.

Во-вторых, стоит отметить, что ни в одном из вышеназванных нормативно-правовых актов не содержится пояснений, раскрывающих, каким образом государственный орган должен создать механизм, в рамках которого граждане и общественные объединения получат возможность эффективно контролировать его деятельность.

Представляется, что для полноценной организации и осуществления общественного контроля в сфере противодействия коррупции следует принять ряд следующих мер:

1. Внести изменения и дополнения в Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»:

   a) в части закрепления понятия объектов общественного контроля и детального определения их перечня;

   b) включив в ч. 2 ст. 2 возможность осуществления на основе отдельного федерального закона общественного контроля в сфере противодействия коррупции.

2. Принять Федеральный закон «Об общественном контроле в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации».

В целях повышения эффективности проведения общественного контроля в сфере противодействия коррупции, на наш взгляд, стоит перенять наиболее удачные решения из других областей осуществления общественного контроля заинтересованными гражданами. Таковыми являются:

1. Институт общественных инспекторов по охране окружающей среды. Данные инициативные граждане осуществляют общественный экологический контроль, правовое регулирование их деятельности осуществляется как на основании Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», так и на основании специализированного нормативно-правового акта — Приказа Министерства природных ресурсов и экологии России от 12 июля 2017 г. № 403 «Об утверждении порядка организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды» [5]. Вышеназванные граждане, прежде чем получить возможность приняться участие в осуществлении общественного экологического контроля, должны выдержать специальное вступительное испытание, которое позволит квалификационной комиссии выявить наличие у претендента профессиональных знаний, позволяющих ему эффективно выполнять свои должностные обязанности общественного эксперта по охране окружающей среды.
2. Институт общественных экспертов по осуществлению общественного жилищного контроля. Правовое регулирование деятельности данных граждан в качестве субъектов, осуществляющих общественный контроль, аналогично регулированию деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды за исключением двух следующих аспектов: специальным нормативно-правовом актом в области общественного жилищного контроля является Постановление Правительства Россий-

ской Федерации от 26 декабря 2016 г. № 1491 «О порядке осуществления общественного жилищного контроля»; к данным гражданам также предъявляется требование по владению ими специальными знаниями в области жилищного права [6].

На наш взгляд, в потенциальном Федеральном законе «Об общественном контроле в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации» следует воссоздать подобную двухуровневую систему из инициативных граждан. Первую категорию будут составлять граждане, изъявившие желание осуществлять противодействие коррупции посредством применения общественного контроля, — общественные инспекторы, имеющие необходимый набор знаний для осуществления ими мер по противодействию коррупции (например, обязательное требование к знанию положений Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и Федерального закона «О противодействии коррупции» [6]). Координацию деятельности общественных инспекторов должны будут осуществлять общественные эксперты (вторая категория граждан), не только владеющие базовым набором знаний, речь о которых шла выше, но и имеющие юридическое образование — данное требование к общественным экспертам обосновывается необходимостью знания ими работы правоохранительных органов и процесса привлечения коррупционера к уголовной ответственности.

В данном Федеральном законе следует полноценно определить круг субъектов (помимо вышеперечисленной системы из общественных инспекторов и общественных экспертов необходимо также включить в него общественные объединения и общественные палаты), правомочных на осуществление общественного контроля в области противодействия коррупции, перечень мероприятий по осуществлению общественного контроля в области противодействия коррупции. В данный потенциальный Федеральный закон можно было включить, по нашему мнению, наиболее удачные положения из Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в частности

положения ст. 102. Данные положения позволяют гражданам непосредственно, минуя стадию создания общественного объединения, осуществлять свое право на проведение финансового контроля, а в случаях выявления нарушений законодательства обращаться в правоохранительные органы [7].

В качестве альтернативного варианта разрешения проблемы усовершенствования правового регулирования общественного контроля в сфере противодействия коррупции можно не принимать отдельный федеральный закон, посвященный данным вопросам, а дополнить действующее законодательство соответствующими отдельными разделами (главами, статьями), в которых следует закрепить круг субъектов, правомочных на осуществление общественного контроля в сфере противодействия коррупции, а также перечень мероприятий по осуществлению общественного контроля в сфере противодействия коррупции.

Данные действия позволят создать механизм всестороннего общественного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов граждан России и укрепить реализацию принципов законности и ответственности органами публичной власти.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Об общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/ (дата обращения: 16.05.2022).

3. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12160914/ (дата обращения: 16.05.2022).

4. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 1. Ст. 4213.

5. Об утверждении порядка организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 12.07.2017 № 403 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802220006 (дата обращения: 16.05.2022).

6. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_144624/ (дата обращения: 16.05.2022).

7. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 №273- // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2 -FKZ, dated July 1, 2020 No. 11-FKZ) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 4398.

2. On the Public Chamber of the Russian Federation: Federal Law of April 4, 2005 No. 32-FZ // Consultant Plus ATP. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_52651/ (access date: May 16, 2022).

3. On public control over ensuring human rights in places of detention and on assistance to persons in places of detention: Federal Law of 10.06.2008 No. 76-FZ // Garant. URL: https://base.garant.ru/12160914/ / (access date: May 16, 2022).

4. On the basics of public control in the Russian Federation: Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 1. Art. 4213.

5. On approval of the procedure for organizing the activities of public inspectors for environmental protection: Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation of July 12, 2017 No. 403 // Official Internet portal of legal information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802220006 / (access date: May 16, 2022).

6. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Federal Law of 04/05/2013 N 44-FZ // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ / (access date: May 16, 2022).

7. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52. Art. 6228.

УДК/UDC 343.214

Интерпретационная практика Верховного Суда Российской Федерации как фактор, влияющий на эффективность уголовно-правового противодействия коррупции

Хамитова Елизавета Геннадьевна
студентка Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия
Краснодар, Россия
e-mail: liza-xamitowa2011@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем уголовно-правового противодействия коррупции в современной России. Изучив статистику совершения коррупционных преступлений, автор констатирует, что имеющееся в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации нормативное обеспечение противодействия коррупционным проявлениям не приносит желаемых результатов и нуждается в дальнейшем совершенствовании. В качестве одного из важнейших факторов повышения эффективности уголовного законодательства и практики его применения в указанной сфере рассматривается интерпретационная деятельность Верховного Суда Российской Федерации, который своими разъяснениями призван устранять существующие пробелы и недостатки законодательного регулирования, тем самым способствуя качественной и унифицированной реализации соответствующих уголовно-правовых норм. На основе анализа достоинств и недостатков постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» автором сформулированы предложения по оптимизации правоприменительной практики в области противодействия преступлениям коррупционной направленности.

Ключевые слова: противодействие коррупции, преступления коррупционной направленности, взяточничество, коммерческий подкуп, Верховный Суд Российской Федерации, толкование уголовного закона.

Interpretative practice of the Supreme Court of the Russian Federation as a factor influencing the effectiveness of criminal law anti-corruption

Khamitova Yelizaveta Gennadyevna
student of the Faculty of North Caucasian branch of the Russian State University of Justice
Krasnodar, Rossiya
e-mail: liza-xamitowa2011@yandex.ru

Abstract

The paper is devoted to the study of the problems of criminal law anti-corruption in modern Russia. Having studied the statistics of committing corruption crimes, the author states that the regulatory support to counter corruption in the Criminal Code of the Russian Federation doesn't bring the desired results and needs further improvement. One of the most important factors in improving the effectiveness of criminal legislation and the practice of its application in this area is the interpretation of the Supreme Court of the Russian Federation, which by its explanations is designed to eliminate existing gaps and shortcomings of legislative regulation, thereby contributing to the qualitative and unified implementation of relevant criminal law norms. Based on the analysis of the merits and demerits of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes», the author formulated proposals for optimizing law enforcement practice in the field of countering corruption crimes.

Key words: anti-corruption, corruption crimes, bribery, commercial bribery, the Supreme Court of the Russian Federation, criminal law interpretation.

Одной из глобальных проблем современности как на международном, так и на внутригосударственном уровне является коррупция, которая, приобретая системный характер, существенно затрудняет нормальное функционирование всех сфер общественной жизни, тормозит экономико-социальное развитие. Ввиду массовости и повышенной опасности усиление эффективности противодействия данному негативному явлению, в т. ч. уголовно-правовыми средствами, провозглашено в числе

приоритетных задач, стоящих на государственном уровне перед Россией XXI в.

Между тем предпринимаемые государством усилия в области уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции сводятся главным образом к борьбе с ее наиболее опасным и распространенным криминальным проявлением — взяточничеством, что нашло отражение в перманентных и не всегда успешных попытках модернизации законодателем ряда положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ), например посредством принятия Федеральных законов от 3 июля 2016 г. № 324 [1] и от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ [2].

В итоге несовершенство законодательного описания составов преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ, вызывает сложности и ошибки в процессе применения указанных уголовно-правовых норм при квалификации судами соответствующих коррупционных преступлений и вместо желаемой минимизации случаев их совершения приводит к абсолютно противоположному результату — неуклонному росту таких посягательств.

Согласно статистическим данным, доля преступлений коррупционной направленности в структуре зарегистрированной преступности в 2020 г. составила 1,5%, а в 2021 г. этот показатель был равен уже 1,7% [3].

С учетом ухудшения криминальной ситуации и насущной потребности в обеспечении качественной интерпретации и эффективной реализации уголовно-правовых норм о коррупционных преступлениях Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 9 июля 2013 г. было принято и впоследствии неоднократно дополнялось Постановление № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее по тексту — Постановление № 24) [4].

Сохраняя общую преемственность с прежним постановлением 2000 г. [5], Верховный Суд Российской Федерации в рассматриваемом акте толкования дал новые указания о правовой оценке многих ситуаций, порождающих трудности в процессе правоприменения.

В частности, в п. 1 Постановления № 24 были раскрыты новые для отечественного уголовного закона термины, характеризующие узкоспециальных субъектов получения взятки, — «иностранное должностное лицо» и «должностное лицо публичной международной организации». При этом дефиниция иностранного должностного лица практически дословно воспроизводит трактовку из прим. 2 к ст. 290 УК РФ, но с приведением конкретных примеров (мэр, судья и прокурор). Что касается должностных лиц публичных международных организаций, то к ним следует причислять членов парламентских собраний международных организаций, членом которых выступает Российская Федерация, и лиц, занимающих судебные должности международного суда, юрисдикция которого признается Российской Федерацией. Полагаем, что такая интерпретация явно шире легальной трактовки данной разновидности должностных лиц, т. к. в упомянутом примечании они определены как международные гражданские служащие либо иные лица, которые вправе действовать от имени соответствующей организации. Наряду с вышеизложенным, к особым разновидностям взяткополучателей рекомендовано относить лиц, признаваемых таковыми международными договорами Российской Федерации в сфере противодействия коррупции.

В п. 3 Постановления № 24 разъяснено, что под входящими в служебные полномочия действиями (бездействием) должностного лица необходимо понимать такие действия (бездействие), которые оно вправе и (или) обязано совершить в рамках собственной служебной компетенции. Тем самым приведенная позиция более четко раскрывает суть названных действий (бездействия) в сравнении с положением п. 10 ранее действовавшего постановления, в котором таковыми признавались формально отвечающие требованиям закона либо иного нормативно-правового акта.

П. 4 Постановления № 24 определяет способствование лицом в силу служебного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя либо представляемых им лиц через использование получателем взятки авторитета и других возможностей занимаемой должности

в целях оказания любого воздействия на иных должностных лиц для совершения ими действий (бездействия) по службе в интересах взяткодателя. При этом уточняется, что принятие должностным лицом вознаграждения за использование не служебных связей, а чисто личных отношений, в т. ч. сложившихся в связи с занимаемой им должностью, не влечет ответственности по ст. 290 УК РФ.

В п. 5 комментируемого Постановления № 24, в сопоставлении с прежним, конкретизировано понятие получения взятки за общее покровительство (попустительство) по службе путем оговорки, что такое поведение может осуществляться субъектом не только в пользу подчиненных, но и иных лиц, которых затрагивают его контрольно-надзорные и другие полномочия представителя власти, а также организационно-распорядительные функции.

В п. 6 Постановления № 24 получил подробную регламентацию круг незаконных действий (бездействия), за совершение которых была получена взятка. Ими выступают действия (бездействие), которые:

1) совершены с использованием должностных полномочий, но при отсутствии легальных оснований или условий для их совершения;
2) отнесены к компетенции иного должностного лица;
3) совершены единолично, но требуют коллегиального осуществления или их согласования с другим органом или должностным лицом;
4) заключаются в неисполнении служебных обязанностей;
5) никто и никогда был не вправе совершать.

Следовательно, к незаконным были отнесены также действия, которые в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 [6] расцениваются как превышение должностных полномочий.

В этом же пункте Постановления № 24 была дана крайне полезная для нижестоящих судов рекомендация о том, что при принятии лицом взятки за использование должностного положения для способствования

совершению другими должностными лицами незаконных действий (бездействия) по службе необходимо вменять ч. 3, а не ч. 1 ст. 290 УК РФ.

Важным критерием для отграничения криминальных проявлений от непреступных является положение п. 7 Постановления № 24, согласно которому не образует состава преступления получение лицом материального вознаграждения за реализацию сугубо профессиональных функций.

В п. 8 Постановления № 24 верно акцентируется внимание судов на то, что на наступление ответственности за взяточничество не влияет время получения должностным лицом вознаграждения и обусловленность ожидаемого от него поведения принятием взятки либо договоренностью о ее передаче за соответствующие действия (бездействие).

С учетом изменений, произошедших в уголовном законе, в п. 9 Постановления № 24 при характеристике предмета взяточничества, помимо денег, ценных бумаг и иного имущества, названы имущественные права и услуги имущественного характера. Примечательно, что первые трактуются как вещные, обязательственные и прочие подлежащие денежной оценке права, в частности исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, а вторые по-прежнему интерпретируются в более широком значении как выгоды имущественного характера, что не эквивалентно пониманию категории «услуги» в гражданском законодательстве.

В п. 10 Постановления № 24 получил закрепление устоявшийся взгляд относительно момента окончания взяточничества — принятие субъектом хотя бы части передаваемых ценностей. При этом данная позиция уточнена в том смысле, что квалификация содеянного не зависит от того, появилась ли у должностного лица реальная возможность пользоваться или распоряжаться переданным ему вознаграждением по своему усмотрению. Преступление также признается оконченным, если по предварительной договоренности лицо, передающее ценности, помещает их в обусловленное место, к которому у получателя есть доступ, или он обеспечивается взяткодателем либо другим лицом уже после размещения там незаконного вознаграждения.

В п. 11 Постановления № 24 подчеркивается специфика момента окончания преступления, если предметом взятки были услуги имущественного характера. В таком случае содеянное окончено с начала выполнения с одобрения взяткополучателя действий, направленных на приобретение им имущественных выгод.

В соответствии с п. 13.1 Постановления № 24 обещание или предложение передать (принять) ценности за определенное служебное поведение следует оценивать как умышленное создание условий, направленных на совершение соответствующих коррупционных преступлений, если выраженное лицом намерение о передаче (получении) взятки или предмета коммерческого подкупа было направлено на доведение до сведения третьих лиц для дачи им (получение от них) вознаграждения, а также при достижении договоренности с указанными лицами. При незавершенности до конца по независящим от виновных лиц обстоятельствам иных действий, нацеленных на реализацию такого обещания или предложения, содеянное влечет ответственность за приготовление к даче (получению) взятки, а также коммерческому подкупу. Соответственно, ориентиром для разграничения этапов обнаружения умысла и приготовления к преступлению будет направленность поведения на получение (передачу) вознаграждения, а равно на достижение конкретной договоренности о совершении посягательства.

В п. 13.4 Постановления № 24 разрешен сложный вопрос отграничения посредничества во взяточничестве от дачи взятки в пользу представляемого лица. В качестве параметра, позволяющего различить указанные составы, называется принадлежность предмета преступления.

Важным признаком, характеризующим взятку или предмет коммерческого подкупа, является их размер. В связи с появлением в 2016 г. в УК РФ составов мелкого взяточничества и коммерческого подкупа Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 14 Постановления № 24 было дано разъяснение, что мелким признается деяние в размере, не превышающем 10 тыс. рублей. При этом было подчеркнуто, что нормы о мелких взяточничестве и коммерческом подкупе выступают специаль-

ными применительно к положениям ст. 290, 291 и 204 УК РФ, поэтому получение или дачу взятки (предмета коммерческого подкупа) в не превышающем указанный показатель размере нужно квалифицировать по ч. 1 ст. 291.2 (ч. 1 ст. 204.2) УК РФ вне зависимости от того, за какие действия, как и при каких отягчающих признаках эти преступления были совершены.

Отражением новелл в уголовном законодательстве также стало указание в п. 15 Постановления № 24 квалифицировать как посредничество во взяточничестве либо в коммерческом подкупе действия лиц, принимавших в составе группы лиц по предварительному сговору участие в получении взятки или предмета коммерческого подкупа и при этом не отвечавших требованиям к специальному субъекту.

Аналогичный подход к квалификации как посредничества высшая судебная инстанция советует применять к оценке преступной деятельности вымогателя взятки или коммерческого подкупа, который, не являясь получателем ценностей, совершал означенные действия с согласия должностного лица или управленца, а равно работников, которые, будучи подчиненными по службе должностному лицу или управленцу, во исполнение поручения начальника передали ценности другому должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации (п. 28 Постановления № 24).

В п. 23 Постановления № 24 закреплена полезная для судебной практики позиция, согласно которой если за желаемое служебное поведение ценности передаются не лично должностному лицу либо его близким для получения ими имущественной выгоды, а намеренно другим лицам, включая юридические, в целях обеспечения функционирования соответствующего учреждения, то оказанное спонсорство не предполагает ответственности за коррупцию.

Несмотря на общее позитивное впечатление от комментируемого Постановления № 24, отдельные его положения носят спорный характер. Так, не соответствует уголовно-правовой теории и ранее сформулированной позиции самого Верховного Суда Российской Федерации разъясне-

ние, приведенное в п. 13 Постановления № 24, где оконченным преступлением предлагается считать получение или дачу взятки (коммерческого подкупа), если они осуществлялись в условиях оперативно-розыскных мероприятий, а ценности были изъяты сразу же после их получения виновным.

Сомнения вызывает предлагаемая в п. 24 Постановления № 24 квалификация как покушения на дачу взятки случая предоставления взятки должностному лицу, не наделенному необходимой компетенцией для осуществления определенного служебного поведения в пользу взяткодателя. Следует отметить, что некоторые исследователи [7] в юридической оценке подобной ситуации считают, что налицо оконченное преступление, ведь взяткодателем объективная сторона дачи взятки была выполнена в полном объеме.

В результате обзора разъяснений, содержащихся в Постановлении № 24, можно резюмировать, что, невзирая на отдельные спорные аспекты, сформулированные в нем Пленумом Верховного Суда, рекомендации позволят оптимизировать практику применения соответствующих уголовно-правовых предписаний и несомненно будут способствовать совершенствованию механизма противодействия коррупционным преступлениям.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4257.

2. О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.02.2021 № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 9. Ст. 1463.

3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 и 2021 гг. URL: https://мвд.рф/deljatelnost/statistics (дата обращения: 17.05.2022).

4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения:

17.05.2022).

5. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_26228/ (дата обращения: 17.05.2022).

6. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 17.05.2022).

7. Симиненко А. Н., Пестрева Ю. С., Чекмезова Е. И. Лакуны в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4. С. 65–66.

References:

1. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 324-FZ of July 3, 2016 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (part 2). Art. 4257.

2. On Amendments to Articles 201 and 285 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 16-FZ of February 24, 2021 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 9. Art. 1463.

3. The state of crime in Russia in January–December 2020 and 2021 URL: https://mvd.rf/deljatelnost/statistics (date of access: 17.05.2022).

4. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 (as amended on December 24, 2019) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (date of access: 17.05.2022).

5. On jurisprudence in cases of bribery and commercial bribery: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 10, 2000 No. 6 (repealed) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_26228/ (date of access: 17.05.2022).

6. On judicial practice in cases of abuse of power and abuse of power: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/16/2009 No. 19 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-93013/ (access date: May 17, 2022).

7. Siminenko A. N., Pestreva Yu. S., Chekmezova E. I. Gaps in the text of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes"// Bulletin of the Omsk Law Academy. 2015. No. 4. Pp. 65–66.